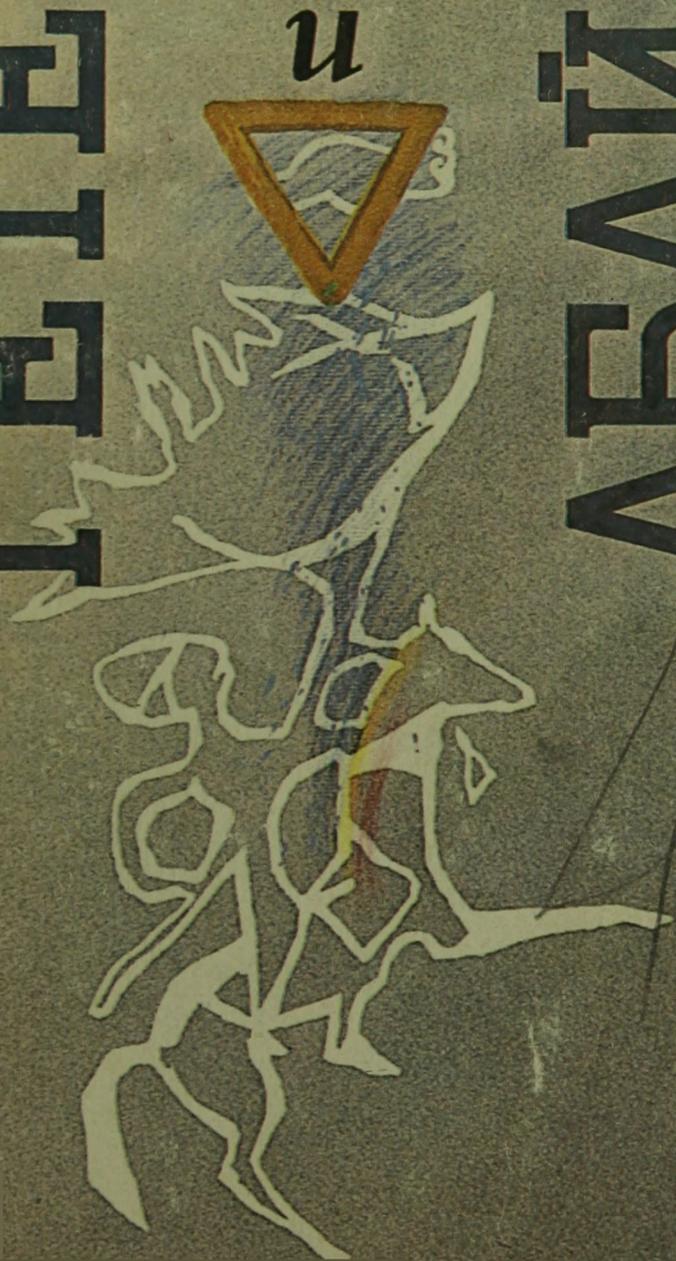

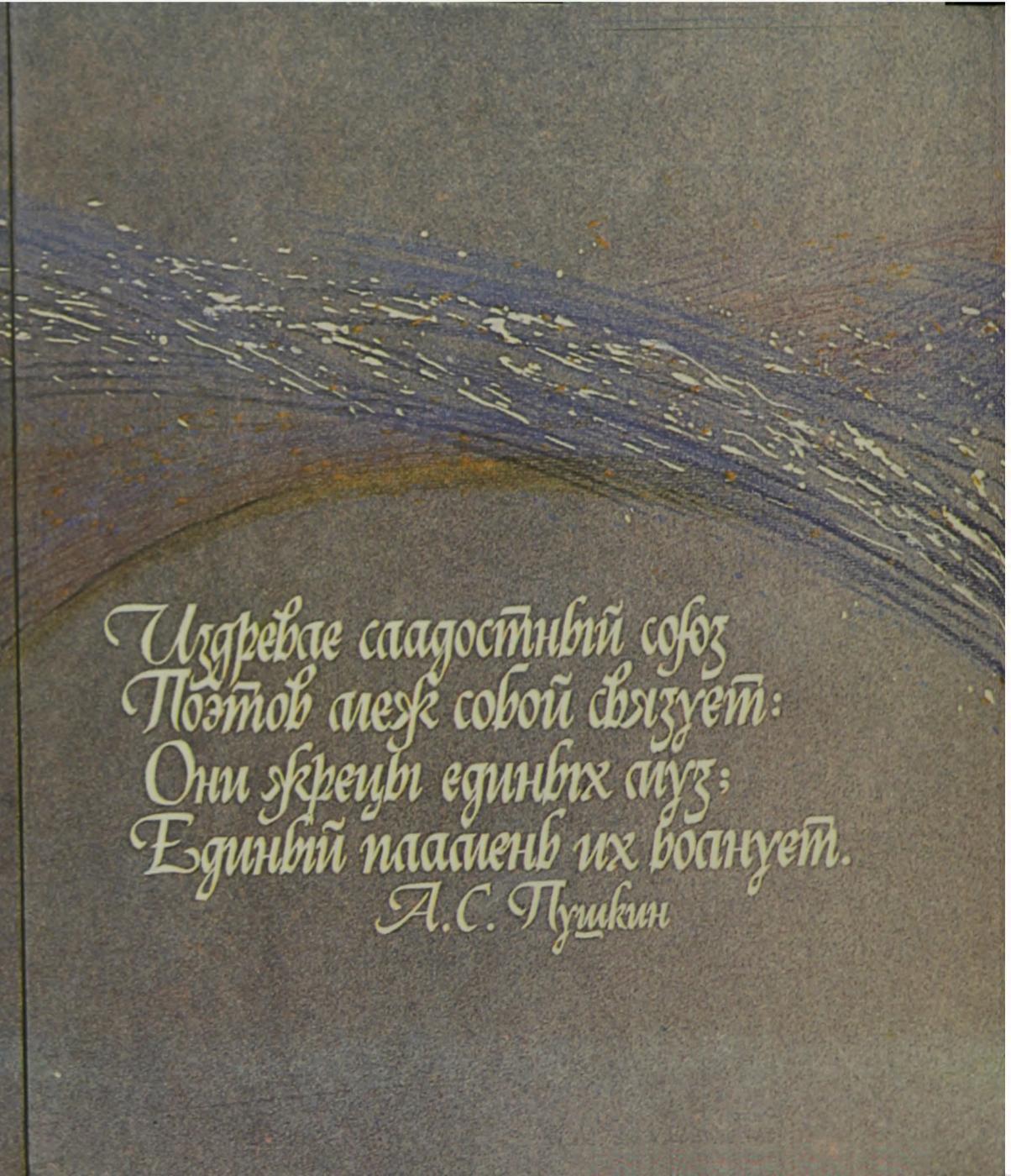
ТЕТЕ

АБАЙ

Герольд Бельгер

Укрепяте сладостный союз
Поэтов меж собою связует:
Они скрепы единых муз;
Единый пламень их воспует.
А. С. Пушкин

ГЕТЕ „ АБАЙ

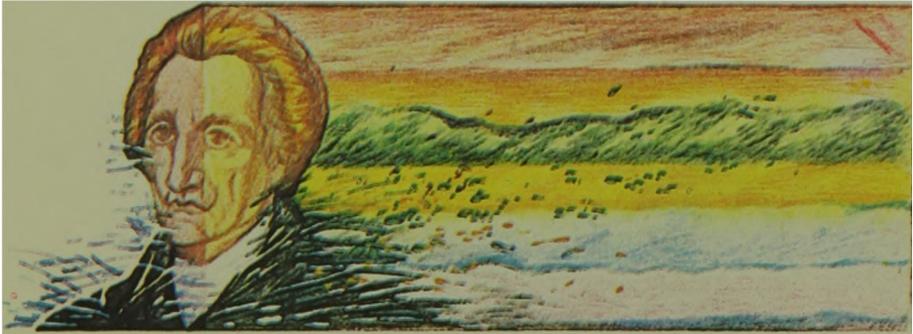

Cozy Blue

Герольд Бельгер

эссе

Алма-Ата
«Жалын»
1989

84 Каз 7—44
Б 44

Рецензент Ю. П. Плашевский,
член СП СССР

Б 4702010200—146 181—88
408(05)89

ISBN 5—610—00181—1

© Издательство «Жалын», 1989

ГЕТЕ И АБАЙ

Не уставай пытливым оком
Следить за зиждущим потоком,
К земным избранникам прижми.

Г е т е.

Чтоб светоч истины узреть —
Должны быть зрячими сердца.

А б а й.

транно: мне кажется, я чувствую Абая.

Полагаю, что чувствовать *чье-либо* творчество — несомненно, объемнее и значительнее, чем понимать. Понять, постичь нормальный человек в состоянии многое. А вот *п о ч у в с т в о в а т ь*, то есть воспринимать через сердце, через душу — очень непросто. Это как любовь, как дар: либо они есть, либо — нет.

Ведь песня, что от сердца спета,
Владеет всей душой поэта,—

утверждает Гете в стихотворении «Признание».

О том же хорошо сказал Абай:

Слово, понятое умом,
Ускользает, как звук пустой.
Но по жилам течет огнем,
Коль берешь его всей душой.

(пер. Вс. Рождественского)

Правда, у Абая в оригинале сказано не «всей душой», а «прилежным сердцем» («ынталы жүрек») — «Слово, прочувствованное при-

лежным сердцем, растекается по всем жилам» — но суть мысли от этого не меняется.

Неслучайно, видно, одно из наиболее частых слов в поэзии Гете — *das Herz*, сердце во всех его бесконечных смысловых нюансах. Неслучайно, конечно, и то, что оно, сердце, жүрек, — любимый, всеобъемлющий образ в творчестве Абая. Сколько раз он к нему прибегает и сколько разнообразных находит к нему определений!

Истина: слово, воспринятое сердцем, дороже, весомей слова, понятого умом.

Возможно, кому-то кажется, что мой путь к Абаю должен лежать через Гете: как-никак я ведь немец, хоть и вырос и воспитывался в казахском ауле. Но это не так. Как раз к Гете я робко подбираюсь с годами через Абая. Станным это может показаться только с первого взгляда. Даже к «Ночной песне странника» Гете я пришел от абаевской «Қараңғы түнде тау қалғып» через лермонтовские «Горные вершины». Иначе говоря, шел путем обратным — от устья к истоку.

Что ж... пути познания причудливы и неисповедимы.

Менее всего хотелось бы мне прослыть непросвещенным в заявленной теме, хотя, понятно, я никак не отношу себя ни к абаоведам, ни к гетеведам. Однако тема эта волнует меня давно в плане несомненной и закономерной родственности муз, в плане очевидной духовной переклички двух гениев двух столь разных народов. Стоит ли говорить о том, что тема эта — Гете и Абай, если не ошибаюсь, никем, никогда не только не затрагивалась, но в тесной и конкретной такой близости даже в мыслях не допускалась. Между тем меня давно, со студенческих лет, то смутно-зыбко, то явственно-отчетливо смущало определенное с о з в у ч и е этих двух великих мужей. Просто до поры до времени мне не удавалось определить и выразить это явное созвучие. Я его находил не только в очевидном тождестве иных мыслей и раздумий и в определенной перекличке каких-то стихотворных строчек, но и в родственности — ни больше, ни меньше! — психофизической натуры двух Поэтов, в схожести их судьбы, в не всегда объяснимой, с точки зрения здравого рассудка,

близости их порывов, стремлений, переживаний. Тесный фрак придворного и министра одного и просторный стеганый чапан другого не являлись для меня помехой в ощущении их духовного созвучия.

Именно созвучия, многоликого, многопластового, свето- и судьбоносного. Этим словом «СОЗВУЧИЕ» я назвал свою книжку, свое исследование-эссе по теме «Ночной песни странника» Гете, поставленной, как выяснилось, еще древнегреческим поэтом Алкманом и блестяще переложенной на русский и казахский языки соответственно Лермонтовым и Абаем.

В данном очерке-эссе речь пойдет, однако, не об идейно-тематических и художественно-эстетических параллелях «Ночной песни странника».

О Гете и Абае хочется говорить высоко и торжественно в плане философско-эстетического созвучия, единства поэтического духа, того, что Пушкин назвал союзом «волшебных звуков, чувств и дум».

Даже в разной тональности мировосприятия и миропонимания Гете и Абая мне всегда видится некое родство, некое созвучие, достойные серьезного

изучения и разговора, и, признаться, меня до сих пор удивляет, почему этой темой не заинтересовались глубоко и обстоятельно наши многомудрые литературоведы.

* * *

А правомерно ли ставить вопрос так — Гете и Абай? Какое значение придается здесь соединительному союзу «и»? Не субъективизм ли это? Не произвол, не причуда ли? Не притянута ли это, как выражаются немцы, за волосы?

Ну, конечно, оба — и Гете, и Абай — великие поэты. Национальные гении. Олицетворение народа и эпохи. Только достаточно ли это для того, чтобы говорить о них в едином контексте? Это в фантастике все возможно. Это в современной литературе сплошь и рядом происходят чудодейственные смещения во времени и пространстве. Даже термин такой существует — диакхрония, то есть совмещение разновременных пластов. Вот, к примеру, в известной новелле Анны Зегерс «Встреча в пути» по воле автора встречаются и живо беседуют в пражском кафе Гоголь, Гофман и Кафка. Но, по-

Гете и Абай

нятно, то художественный вымысел, литературный прием. Художник волен вообразить и описать подобную встречу и между Гете и Абаем: великим поэтам наверняка было бы о чем поговорить по душам, так как схожего в их судьбе и творчестве ничуть не меньше, чем у тех названных выше знаменитых писателей из новеллы Зегерс. Ничего фантастического в том не было бы. Сказано же: поэт поэту — кунак. Однако мы в данном случае твердо стоим на платформе реальности и намерены говорить о гармонии духа, о целостном восприятии поэзии, о переключке муз, то есть не об идеальном и мифическом, а о конкретном и реальном.

При одном только имени Гете у нас моментально возникает богатейший, причудливый ассоциативный ряд. Тотчас вспыхивают в нашем воображении ярчайшие знаки, символы, характеризующие время и место. И — самого поэта. «Величайший немец», «колоссально велик» (Ф. Энгельс). Олимпиец. Европа на стыке эпох. «Буря и натиск». Блестящая плеяда немецких ученых, поэтов, философов. Веймар. Фридрих Шиллер. Титанический разнообразный творче-

ский труд. «Фауст». Человек-тиган. Властитель дум. Конечный вывод мудрости земной: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой»... Бесконечные прижизненные многотомные издания трудов и переводы на большинство языков мира.

Ассоциативный ряд, возникающий при таком же коротком, звучном имени Абай, в нем незначительно бледней, блеклей. Степь. Топот копыт. Глухое бормотанье домбры. Межродовые интриги и схватки. Яростная барымта. Народные песни, сказы, дастаны, киссы — неиссякаемый источник образного, «красного» слова. Патриархальный уклад жизни. Мотив ранней усталости: «Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон». Вопрошающее отчаяние, крик души: «Где он человек, способный внять слову?!» И первое издание небольшого сборника стихотворений (всего пятьдесят шесть!) пять лет спустя после смерти...

Разные эпохи. Разная историко-культурная среда. Разный социальный уклад. Разный исторический опыт. Разный уровень цивилизации.

Все разное.

Когда Гете умер в преклонном

Гете и Абай

возрасте и в могуществе славы, Абай еще не родился — это произошло лишь в 1845 году. Современники Гете — это Бухаржырау Калкаман-улы, мудрый сказитель, смело поучавший самого грозного хана Аблая, и Кулеке-улы, прозванный Шаломакыном. Дулат, Шортанбай, мятежный воитель Махамбет Утемисов могли бы — при фантастическом стечении обстоятельств — увидеть лишь престарелого Гете. Сверстником Гете был Иргизбай, предводитель-батыр и влиятельный бий, — прадед Абая.

Такова временная дистанция.

Нужно еще учесть и то, что степень исследовательской освоенности Гете и Абая, конечно же, не равнозначна. Для русского (и тем более зарубежного) читателя Абай — миф, белое пятно. Неадекватные переводы породили явное несоответствие в восприятии Абая на казахском и русском языках. Абай пока что узник собственного национального языка. Вспоминается в этой связи вздох отчаяния в одной из статей профессора Х. Х. Махмудова («Простор», № 5, 1972): «О, если бы хоть несколько произведений Абая были переведены на абаевском уровне на рус-

ский или английский, французский, немецкий, польский и другие языки, то, безусловно, Абай Кунанбаев фактически занял бы свое место на пьедестале среди великих представителей поэзии Европы и всего мира!»

Я нашел вырезку этой статьи в папках покойного моего друга Медеубая Курманова, гетеведа, переводчика «Фауста» на казахский язык. На полях этой цитаты рукой Медеубая — как сокровенное желание — начертано: «О, если бы!..»

Так, о чем речь? Где она, та магическая нить, связывающая Гете и Абая? Где она, та колдовская точка соприкосновения, позволяющая говорить о гармонии духа, о феноменальной общности способа мышления великих личностей?

Утверждаю: есть она, эта магическая нить духовной близости и единения гениев. Есть!

Поэт из «Театрального вступления» к «Фаусту» говорит:

*Пусть мысль твоя,
когда она созреет,
Предстанет нам законченно чиста.
Наружный блеск рассчитан
на мгновенье,
А правда переходит в поколенья.*

(пер. Б. Пастернака)

И Абай постоянно взывает к

«человеку мыслящему, с огнем в груди» («көкірегінде оты бар ойлы адам»), к вдумчивому слову, к взвешиванию его («әр сөзін бір ойланып, салмақтасаң»), к слову доброму, золотому изнутри, серебряному снаружи («іші алтын, сырты күміс сөз жақсы»), тепло ласкающему сердце («жүрекке жылы тиіп»).

Вот, если, следуя советам Гете и Абая, вникнуть в глубинный смысл их слова, в его проникновенную суть («Но будь неповторимо, Слово, ты старше нас, ты вечно ново», — говорит Гете; «Словам впустую не верь, их суть продумай, измерь», — сказано у Абая), лишенную внешнего блеска, мы можем постичь истину, которая переходит в поколения, и именно на этом пути познания — через вдумчивое чтение великих поэтов, чтение умом и сердцем — мы в состоянии нащупать философско-эстетическое сходство их творческих порывов и мотивов.

В этом смысле весьма существенна и на все времена актуальна неохватная, хочется мне сказать, тема — Гете и Абай.

Маркс в предисловии к «Капиталу» заметил: «Всякая нация может и должна учиться у других». Глубоко верный этот пос-

тулат в равной степени относится и к Гете, и к Абаю. Оба жадно и целеустремленно учились у других и постоянно звали свой народ к овладению культурой человечества. Но мы не можем категорически утверждать, что Абай учился у Гете (или у немецкой литературы) конкретно тому-то и тому-то, и творчество его испытало благотворное влияние «величайшего немца» в каких-то определенных параметрах. О прямом влиянии, проникновении в данном случае, понятно, речи нет. Речь идет о значительно более глубоком и емком — о философско-эстетическом созвучии мировосприятия двух духовных гигантов.

Взаимосвязь культур и литератур в широком философском значении необычайно многолика. Она проявляется порою там, где ее и не подозревают. Вот, к примеру, академик В. М. Жирмунский установил сходство мотивов в шотландской балладе «Эдвард» и казахском эпосе «Козы Корпеш — Баян Слұ». Не интересно ли? Или возьмем так называемый мотив неуязвимости у героев Зигфрида, Ахилла, Исфендиара («Шах-намэ» Фирдоуси), Алпамыса, на который

также обратил внимание В. М. Жирмунский. Или известный германист Н. Н. Вильмонт написал большую, оригинальную книгу «Достоевский и Шиллер», в которой с удивительной проникновенностью раскрывает философские, эстетические, морально-этические, психологические, художественно-литературные параллели и перекличку в творчестве немецкого романтика и гения русской реалистической литературы. Более того, Н. Н. Вильмонт считает правомочной параллель Достоевский и Данте, ибо в «Преступлении и наказании» поднимается «дантовская тема» — тема разрушения и восстановления человеческой личности.

В этой связи приходят на память весьма знаменательные примечания-комментарии музыковеда А. В. Затаевича к творениям тех или иных казахских народных певцов-композиторов. В его уникальном сборнике «1000 песен казахского народа» (1925) нередко встречаются такие фразы, как: «прелестная, почти лоэнгриновская мелодия», «тема в характере рубинштейновской мелодики», «напоминает песню Баяна из «Руслана и Людмилы», «похожа на песню ва-

ряжского гостя из оперы «Садко», «бретонская песенка из «Сборника французских народных песен», «в приводимой песне есть что-то от Мусоргского», «заключение напоминает окончание думки Ионтека из «Гальки» Монюшки», «великолепная кантилена, которой не постыдился бы и любой европейский композитор» и т. д. Стоит ли говорить о том, что казахские народные композиторы, о которых так проникновенно пишет А. В. Затаевич, и слухом не слышали об упоминаемых здесь музыкальных произведениях. Однако, духовная перекличка, созвучие налицо.

Вот именно в таком ракурсе, в таком освещении считаю необходимым (и плодотворным) рассматривать тему «Гете и Абай».

Известно, что еще Мухтар Ауэзов, непревзойденный знаток Абая, четко и точно определил генезис великого казахского поэта: устное казахское народное творчество, восточная поэзия и русская литература (а через нее — литература европейская). Последний в названном ряду источник Абая изучен литературоведческой наукой и поныне еще недостаточно, если не сказать — слабо. Я говорю о

соотношении западно-европейской литературы и творчества Абая.

И тут в первую очередь властно напрашивается тема «Гете и Абай».

Убежден: именно в этом направлении ожидают исследователя интересные наблюдения и открытия. И в теме «Гете — Абай» путь научного исследования предстоит долгий и основательный. Как всякий путь познания он идет от простого сопоставления литературных фактов, от выявления явных и скрытых сходств, аналогов, созвучий тем, идей и мыслей, творческих озарений и сомнений, от констатаций и анализа сходства и различия к широким историко-культурным выводам и обобщениям, к выявлению характерных закономерностей в масштабном объеме.

• • •

Примечательно еще вот что: тема «Гете и Абай» отнюдь не бесстрастна, не абстрактна и не академична, как может показаться с первого взгляда. Она живо волнует современного читателя. Меня, например, обрадовал и одновременно удивил чи-

тательский резонанс по поводу моих статей «Как говорит Фауст по-казахски?» (1983), «Больше внимания к дорогому наследству» и «Гете и Абай» (1985), опубликованные в «Казах адебиети». Я получил немало пространных и интересных писем от читателей. Помню взволнованный, по-настоящему заинтересованный разговор после моего выступления на эту тему в Вечернем университете культуры. Ученые-литературоведы делились своими наблюдениями и соображениями, а один из них (Есенгельды Жакупов) рассказал о том, как, неизменно подчеркивая во всех своих лекциях по абаеведению глубокую философичность поэзии Абая, Мухтар Ауэзов, оказывается, неоднократно говорил, что именно этим своим качеством Абай поразительно близок Гете. О том я слышал впервые и очень обрадовался: наблюдение глубокое, пронизательное. И приятно, что оно подкрепляется столь весомым авторитетом в лице Мухтара Омархановича Ауэзова.

• • •

Само собою ясно, что Иоганн Вольфганг Гете не мог знать

Гете и Абай

Абая Кунанбаева. Но Гете проникся терпким запахом, острой чувственностью, яркой цветистой образностью и сочностью ориенталистской поэзии, знал многих великих поэтов Востока, почувствовал их чутким сердцем и душой поэта, о чем свидетельствуют его проникновенные суждения и уникальный «Западно-Восточный диван» — поэтический гимн любви и красоте, катехизис жизнеутверждающей философии и гуманизма. Именно в «Западно-Восточном диване» нашло выражение гетевское кредо поэтического познания: «Кто хочет узнать поэта, да отправится в страну поэта». И именно в этой книге Гете прозвучал один из его основополагающих тезисов об единстве мира:

*Gottes ist der Orient!
Gottes ist der Okzident!*

*Богом создан был Восток,
Запад также создал бог.*

(пер. В. Левика)

Но знал ли Абай Гете? Если знал, то в какой мере? Можем ли мы на этот вопрос ответить утвердительно, если твердо знаем, что ни в поэзии Абая, ни в его

«Гаклиях», ни в редких и куцых воспоминаниях его современников имя Гете нигде ни разу не упоминается?

И тем не менее существует немало оснований для утверждения того, что Абай знал Гете — знал по многочисленным переводам на русский язык, по цитатам в бесчисленных журнальных статьях о Гете, из работ русских критиков, из бесед со ссыльными, своими опальными друзьями.

Известно, что Абай пристально изучал Пушкина, Тургенева, Гоголя, Лермонтова, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Некрасова. В творчестве, в литературно-критических трудах этих писателей Гете присутствует неизменно. Его цитируют, на него ссылаются, его пропагандируют, с ним спорят, им восторгаются, его ниспроверяют. Непросто даже подсчитать, сколько раз упоминается имя Гете в произведениях перечисленных выше писателей.

Не мог Абай пройти мимо этого имени.

Увлекался Абай социологией, историей, статистикой, культуро-просветительством, читал

Гете и Абай

экономические труды. Читал произведения философов Платона, Спенсера, Спинозу. Это нашло отражение в его философско-этических этюдах — «Гаклиях».

Племянник Абая, Какитай Искак-улы Кунанбаев (как известно, ему принадлежат некролог памяти поэта, опубликованный в «Семипалатинском листке» в 1905 году, и предисловие к им же изданному в 1909 году в Петербурге первому сборнику стихов Абая), свидетельствует, что Абай любил читать Спенсера, Льюиса, Дрепера и других философов.

Джордж Кеннан, американский путешественник и журналист, утверждает: Абай читал труды Джеймса Милля, Генри Томаса Бокля, Дж. В. Дрепера, «сильно», по его словам, интересовался английскими и западноевропейскими философами. «Когда мы дважды говорили о книге Дрепера «Из истории общественной мысли в Европе», он обнаружил большое знание предмета».

Джордж Кеннан в книге «Сибирь и ссылка» (1906) тепло описывает вечер в кругу молодых семипалатинских ссыльных, с некоторыми из которых Абай

состоял в дружбе. По словам Кеннана, на том вечере упоминались и читались отрывки из произведений Шекспира, Милля, Спенсера, Бокля, Бальфура, Стюарта, Гейне, Гегеля, Ланге, Ирвинга, Купера, Лонгфелло, Брет-Гарта и Гарриэт Бичер-Стоу.¹ Можно предполагать, что и круг чтения Абая был довольно широк, разнообразен и серьезен. И хотя историки и литературоведы еще не полностью его определили, но и творчество поэта, и кое-какие воспоминания современников и потомков его позволяют говорить о правомерности такого утверждения. Начитанность степняка Абая (Какитай называет его самородком) вообще удивляет. В его «Гаклиях» встречаются имена Гомера, Сократа, Софокла, Аристодима, Зевксиса, Жанны д'Арк («Иоанна Арк»), Бабура и многих других. А среди его переводов на казахский язык встречаются, помимо любимых им Пушкина, Лермонтова, Крылова, по одному стихотворению Гете, Мицкевича, Байрона, И. Бунина, А. Дельвига, Я. Полонского, Ф. Шиллера.

¹ См. М. Мырзахметов, Абай жүрген ізбенен, Алматы, «Казакстан», 1985, 148-бет.

Гете и Абай

Начитанностью, образованностью, разносторонними интересами отличался и старший брат Абая (по отцу) — русский офицер Халилолла Ускенбаев. Любопытные сведения о нем приводит Г. Н. Потанин в своих воспоминаниях «В юрте последнего киргизского царевича»: «Мне рассказывали об одном киргизском султানে (уже умершем Ускенбаеве, который кончил курс в Омском кадетском корпусе и потом жил на родине в степи около Семипалатинска), что он любил вечерами рассказывать своим землякам содержание русских повестей и романов, и киргизы с таким интересом его слушали, что просили его записать свои рассказы; таким образом, получились тетради, написанные по-киргизски и содержащие в себе вольный перевод произведений Тургенева, Лермонтова, Толстого и др. Иногда во время этих литературных вечеров в юрте киргизы пускались в суждения, и тогда, как рассказывал очевидец, можно было слышать, как Ускенбаев пользовался русскими авторитетами: «Послушайте, а вот что об этом говорит известный русский критик Белинский», или «Вот ка-

кого мнения об этом был русский критик Добролюбов»¹

Ценное свидетельство, имеющее прямое отношение к теме нашего разговора.

Все эти, в общем-то, известные факты я здесь повторяю с единственной целью внушить читателю мысль о том, что столь широко начитанный, любознательный Абай просто-напросто не мог не знать Гете. В какой степени — это уже другой вопрос.

30—40-е годы прошлого века были апогеем интереса к Гете в русской журналистике. Но и позже Гете оставался очень популярным в русской литературе. Все русские литературные журналы XIX века были насыщены переводами из Гете. Они неизменно и обильно печатались в «Современнике», в «Отечественных записках», в «Москвитяине», в «Сыне Отечества», «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Пчеле» и т. д.

Духовная зрелость Абая падает на 80—90-е годы прошлого столетия. В эти годы он особенно увлеченно переводит Пушкина, Лермонтова, Крылова. И именно в эти годы в русских

¹ «Русское богатство», 1986, № 8, стр. 83.

Гете и Абай

журналах печатаются автобиография и сочинения Гете, многочисленные рецензии на переводы Губера, Струговщикова, Вронченко, Вейнберга, Фета и других. В эти годы выходят собрания сочинений Гете. Даже «Разговоры Гете, собранные Эккерманом» выходят отдельным изданием в 1891 году в переводе Д. П. Аверкиева.

Можно ли предположить, что этот огромный поток литературы о Гете всецело прошел мимо сознания вдумчивого и любопытного читателя Семипалатинской городской библиотеки имени Гоголя — Абая Кунанбаева?

Вряд ли...

В числе друзей Абая были и «русские» немцы — Е. П. Михаэлис и А. Л. Блек. С Михаэлисом Абая связывала близкая, искренняя человеческая дружба в течение двадцати лет. «Мои глаза на мир открыл Михаэлис», — признавался Абай. Александр Львович Блек находился в ссылке в Семипалатинске в 1883—1884 годах, работал в Статистическом комитете, в который чуть позже членом был избран и Абай, организовал музей и библиотеку. Трудно допустить, что, встречаясь с Абаем, Михаэлис и Блек не упоминали

имени Гете. Тут нелишне иметь в виду, что Блек, по свидетельству Дж. Кеннана, говорил по-французски, по-немецки, читал по-английски, имел тщательно подобранную библиотеку, находился в контакте с московским «Обществом переводчиков и издателей», и ему, надо полагать, было о чем говорить с переводчиком русской поэзии на казахский язык.

Трудно предположить также, что Абай, поклонник и переводчик Пушкина, не обратил внимания на «Сцену из Фауста», на знаменательный диалог Мефистофеля и Фауста на берегу моря. Или что Абай не знал известных слов Пушкина о творении Гете: «... но «Фауст» есть величайшее создание поэтического духа; он служит представителем новейшей поэзии, точно как «Илиада» служит памятником классической древности».

Наконец, Абай блестяще переложил «Ночную песнь странника» Гете через лермонтовские «Горные вершины» — «Қараңғы түнде тау қалғып...» А ведь и в журнале «Отечественные записки», и во всех сборниках стихов

Лермонтова стихотворение называется «Из Гете». Следова-

*Жүрегімнің түбіне терең бойла,
Мен бір жұмбақ адаммын, оны да ойла.
Соқтықпа ы, соқпақсыз жерде өстім,
Мыңмен жалғыз алыстым, кінә қойма!*

А б а й

*Genieße mäßig Füll' und Segen,
Vernunft sei überall zugegen,
Wo leben sich des Lebens freut.
Dann ist Vergangenheit beständig,
Das Künftige voraus lebendig,
Der Augenblick ist Ewigkeit.*

G o e t h e

тельно, Абай не мог не знать, кому принадлежит оригинал прекрасной миниатюры. Это уже совершенно определено.

Что касается того, что имени Гете нет в стихах и прозе Абая... Что ж... мало ли чьих имен нет? Вот и четверостишие «Кең жайлау — жалғыз бесік жас балаға» является переложением «Дитя в люльке» Фридриха Шиллера, но Абай имени Шиллера нигде не упоминает. Или: «Көнілім менін қараңғы, бол, бол, ақын!» корнями уходит к Байрону. Лермонтов указывал источники, а Абай и Байрона не называет. Очевидно, что и «Опыты» Монтеня были известны Абаю, но имени французского философа-эссеиста в произведениях Абая не встретите.

То же самое и с Гете.

Абай вообще, кажется, неохотно цитировал. Он многое переосмысливал по-своему, соответственно своему миропониманию, излагал свои мысли весьма своеобразно, поэтически и афористически, на казахский лад, на доступном для своих читателей — большей частью слушателей — языке. Иначе говоря, тяготел к соразмышлению правде мыслей своего времени. Даже ту или иную мудрую сентенцию он

как бы транспонировал по-своему, расширяя границы национального духа, приравнивал как бы к общественно-социальным условиям Степи.

Правда, иногда он делал ссылку, вроде:

*В назидание потомкам
Мудрец ученый Дауани —
Так изрек, правдивец.*

И литературоведы установили, что под именем ученого Дауани подразумевается Мухаммед ибн Асхад (Жалледдин) аль-Дауани.

Но подобные ссылки на источник встречаются у Абая нечасто.

Известно, что Мухтар Ауэзов основательно изучал так называемый круг чтения Абая, указывая на многочисленные первоисточники, нашедшие в каком-либо виде — в пересказе, в открытых и скрытых ссылках, в прямой или косвенной цитации, в своеобразном творческом переложении, в созвучиях и перекличках — отражение в его поэзии и философской прозе. Понятно, что это сложно и кропотливо — определить по каким-либо мыслям, высказываниям, как бы вскользь оброненным словам и фразам, этическим и фило-

софским категориям и дефинициям (вроде как «якини иман» — вера сознательная и «иман таклиди» — вера слепая, три вида выражения любви, нравственная личность, душа («я») и плоть («мое»), конкретность и абстрактность, «сила притягательная однородного», «впечатлительность сердца» и. т. д.) те художественные произведения и ученые трактаты древних поэтов и мудрецов, которые совершенно очевидно привлекли пристальное внимание Абая (как например, историки средневековья Ибн аль-Асир, Рашид-ад-дин, Мухаммед Гайдар, сборники Ахмета Яссави, Суфы Аллаяра и Сулеймена Бакыргани, поэтические творения Хафиза, Низами, Саади, Руми, Джамии, многочисленные энциклопедии и словари). В четырехтомной эпопее «Путь Абая» мы находим множество упоминаний славных имен и произведений, составляющих круг чтения великого поэта. Мухтар Ауэзов, как известно, был знатоком жизни и творчества Абая. В третьей книге «Путь Абая» сказано: «Абай, накинув на плечи тонкий чапан и надев легкую козью шапку, взял очки (теперь он уже не мог читать без них) и протянул руку к

стопке книг, лежавших у постели. Там, рядом со всегдашними его спутниками — Пушкиным и Лермонтовым, — нынче появились Байрон и Гете в русском переводе».

Деталь знаменательная, важная.

Нет, я ничуть не сомневаюсь в том, что Абай имел определенное представление о Гете и его творчестве. На этом убеждении построено и данное эссе.

* * *

В моем очерке, вероятно, будет немало отступлений и разных побочных замечаний по поводу и без повода. Здесь считаю нужным сказать немного о теме продуктивности в художественном творчестве — об этом Гете говорил нередко и охотно.

Иной скептик может сказать: «Гете и Абай... Разве они сопоставимы? Разве эти личности конгениальны? Разве их творения соизмеримы? Труды Гете — это нечто неохватное, непостижимое для человеческого ума, не один десяток томов! А сколько написано Абаем? Стихи, переводы, философско-этические этюды, три дастана, исследова-

Гете и Абай

ние о происхождении казахов, вместе с комментариями едва-едва составляют два тома. Чего сравнивать-то? Что сопоставлять?!»

Ставить вопрос так — совершенно неверно. Во-первых, я и не сравниваю и не сопоставляю. Величайшие горные вершины самобытны и значительны сами по себе. А во-вторых, духовное наследие, постижение истины никогда не поддавались количественному измерению. В своих размышлениях о поэзии, о Слове, о назначении искусства Абай неоднократно говорил об этом. Не буду приводить здесь примеры: о том речь пойдет еще впереди.

Читая Абая, все время испытываешь необычайный простор мыслей, ширь дыхания. Иная строка — отточенная философская формула, дающая повод для пространных и глубоких раздумий. Иная миниатюра включает в себе систему мировосприятия и миропонимания. И мне порою кажется, что Гете в строгом, плотно облегающем ладную фигуру фраке, при звезде на груди, при всем своем сановном величии все же иногда поэтически небрежен, раскован, позволяет себе разные вольнос-

ти и милые шалости, а Абай в своем мешковатом верблюжьем чапане поразительно собран, опрятен, эстетически строг. Больше всего ему претят всякие трюизмы.

Вспомним здесь лишь одно стихотворение Абая:

*Тоғы құс түсті көбелек
Жаз сайларда гулемек.
Бәйшешек солмақ, күйремек,
Көбелек өлмек, сиремек.*

*Адамзатқа не керек:
Сүймек, сезбек, кейімек,
Қаракет қылмақ, жүгірмек,
Ақылмен ойлап сәйлемек.*

*Әркімді заман сүйремек,
Заманды қай жан билемек?
Заманға жаман күйлемек,
Замана оны илемек.*

*Мотыльки, чей светел наряд,
Вам, цветы, привет свой дарят.
Но спугнет гроза, сад примят —
И они назад не летят.*

*Людам всем дана, всем подряд,
Череда удач и утрат,
Что всегда сомненьем томят
И скорей ответа хотят.*

*Время гонит всех — стар иль млад.
Бремя злых помех снять бы рад!
Жизнь — тоска и смех, блеск и чад,
Срок придет, и ты смертью взят.*

(пер. М. Петровых)

Я посчитал здесь нужным привести оригинал параллельно

Гете и Абай

с переводом, ибо перевод при всех художественных достоинствах и формальной близости все же излишне конкретизирован и — как бы это сказать — низведен в бытовую плоскость, что ли, примитивизирован в своем общефилософском значении. Последняя строфа, к примеру, в прозаическом пересказе означает: «Всех ведет на поводу эпоха; кому дано править Временем? Лишь ничтожество царит во времени, но время и его сомнет».

Получается нечто другое, чем в переводе, не правда ли? Ведь «жизнь — тоска и смех, блеск и чад» — плоский трюизм, несвойственный Абаю.

Иди возьмем стихотворение «Когда умру, не стану ль я землей». Всего двадцать восемь строк, а вместили они целую человеческую жизнь, полную невзгод, неравной борьбы, достоинства, трагической доли. Это исповедь «человека с загадкой», как называет поэт себя, душевный, предельно честный и искренний разговор о себе с грядущими потомками. «Пожалей, потомок, того, кто скорбен был и одинок», «Боролся с тьмой, как мог... Не обессуди!», «Суди, но помни: пусть страшна вина —

за грех один карать не нужно дважды, а я, живой, за все платил сполна», — говорит Абай. Разбор этого стихотворения — а оно звучит торжественно и величественно, как «Завет» Гете, как «Памятник» Пушкина — занял бы много места: столько смысла и экспрессии в каждом слове.

Каждый философский этюд из «Гаклии» — предельно сжатый, конспективный трактат, размышление о сугубо актуальных нравственных, социальных, общественных проблемах. В них поистине словам тесно, а мыслям просторно.

Такая манера письма вообще характерна для Абая. Он знал цену слова. Дорожил им. Писал предельно лапидарно, плотно. Выражался упруго, лаконично.

«Самые прекрасные мысли тускнеют, пройдя через человеческие уста».

«Сын, почитающий лишь своего отца, — недруг народу; сын народа — и твой друг».

«Гнев без силы — вдовец; ученый без последователей — вдовец; любовь без верности — вдова».

(Пер. С. С а н б а е в а)

Оригинал и того короче, энер-

гичней. Поэтому, думаю, так много потерь при переводе Абая на русский язык: строка оригинала в «русскую» строку никак не вмещается. Абаевский стих многомерен и многозначен. Он даже подстрочному переводу не всегда поддается. К иной строке подбираешь десяток вариантов и пишешь пространный комментарий. В этом я имел возможность убедиться сам.

Это свойство абаевского слова верно подметил известный казахский прозаик Такен Алимкулов, написавший емкое, блистательное исследование об Абая под характерным названием «Человек-загадка» (на казахском языке). В моем понимании это одна из наиболее ярких работ в абаеведении. Так вот, рассуждая о стихотворении Абая «Когда умру, не стану ль я землей», Алимкулов замечает: «Об этом стихотворении можно бы написать книжку. Но я на это не пойду. Потому что излишество в анализе разжигает тему. Это во-первых. А во-вторых, о каждом стихотворении Абая можно написать если не книжку, то по крайней мере специальную статью». И далее исследователь приводит слова Мухтара Ауэзова: «Абай — полноводная ре-

ка. Я черпал из нее лишь половником»¹

В этих словах — и Ауэзова, и Алимкулова — нет преувеличения, нет восторженной гиперболы.

Именно это имел в виду и Гете, говоря о духовной продуктивности. В беседе с Эккерманом Гете сказал: «И еще я должен добавить: не количество созданного или совершенного определяет продуктивность человека. Мы знаем поэтов, которые считаются весьма продуктивными потому, что том за томом выпускают в свет стихи. Но я бы без обиняков назвал их непродуктивными, поскольку сделанное ими лишено жизни и прочности»².

Вот он, критерий истинного таланта: то, что не лишено жизни и прочности.

О «прочности жизни в грядущих поколениях» Гете говорил и в своем рассуждении о Гюго («Но если он уповает на прочную жизнь в грядущих поколениях, то ему следует подумать о

Т. Әлімқұлов, «Жұмбақ жан». Алматы, «Жазушы», 1978, 56-бет.

² И.- П. Эккерман. «Разговоры с Гете». Москва, «Художественная литература», 1981, стр. 563.

том, чтобы меньше писать и больше трудиться»). Наследство Абая, вмещающееся в два небольших тома, в полной мере и достойно отвечает этому критерию продуктивности: это доказало и доказывает время.

Определение продуктивный человек в понимании Гете созвучно слову гениальный. Рафаэль, Моцарт, Шекспир, по определению Гете, «носители высшей духовной продуктивности». Крупный знаток Гете германист Н. Н. Вильмонт утверждает: «С понятием продуктивности для Гете неразрывно связана и проблема бессмертия. Бессмертие не дано, а з а д а н о человеку: чем продуктивнее человек, тем он бессмертнее».

Логика этих рассуждений в прямой мере, думаю, касается и Абая — именно в плане духовной продуктивности, почти синонимичной бессмертию. Не то ли имел в виду и Абай, утверждавший:

*Но можно ли того назвать умершим,
Кто миру дал бессмертные слова?*

(пер. Л. Озерова)

О Гете написано бесконечно много. Даже представить этот монблан гетеведческой литературы страшно: поневоле оро-

беешь. Немало написано и об Абаяе ученых исследований (литература о нем составляет около четырех тысяч наименований). Можно назвать ряд фундаментальных трудов. И все же мне, к примеру, кажется, что истинная, потаенная, загадочная глубина Абая («Я человек с загадкой, подумай и о том») все еще не во всем объеме раскрыта, не освоена, не постигнута.

Может, это и невозможно?

Ведь чтобы постичь Абая во всем его духовном могуществе и многообразии необходимо подняться на ту же вершину, на которой стоит он, а не взирать на его величественную фигуру издалека с высоты ничтожных кочек. Но кому дано подняться на вершину Абая?

Абай неизмеримо глубже, чем это мы в состоянии пока понять и осмыслить. Как явление, как Личность он даже глубже собственного творчества. Это не парадокс. Многогранное творчество Гете — тоже еще не весь Гете.

Хорошо это подметил чуткий и мудрый Джамбул. В 1940 году во время празднования 95-летия со дня рождения Абая старый акын, долго всматриваясь в его портрет на сцене, сказал:

*Терең ойдың түбінде теңізі бар,
Тесіле кеп қарасаң көңіл ұғар.
Сол тереңге сүйсініп жан үңілмей,
Есіл сабаз ызамен өткен шығар!*

*На дне глубоких дум его — море,
Лишь зоркий взгляд души
может его постичь.
Никто, видать,
в ту глубь не заглянул с любовью,
И муж великий ушел из жизни
с гневом-скорбью.*

(подстрочный перевод)

Какая точная, проникновенная догадка! Какая убедительная характеристика!

Стихотворение это называется «К портрету Абая». В первой строфе стихотворения есть еще такие слова:

*Ақыл, қайрат, білімді тең ұстаған
Өр Абайдың төтеген кім бетіне?*

*Умом, энергией,
знанием в равной мере наделенному,
Кто смел Абаю гордому перечить?*

(подстрочный перевод)

Мне тотчас вспомнилось стихотворение В. А. Жуковского «К портрету Гете».

*Свободу смелую приняв себе в закон,
Всезрящей мыслию
над миром он носился.
И в мире все постигнул он —
И ничему не покорился.*

Почти то же и весьма схожими словами выразил и поэт Бо-

ратынский в стихотворении-отклике на смерть Гете:

*Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном
нашел он предел.*

Не любопытно разве, что Жуковский, обращаясь к портрету Гете, а Джембул — к портрету Абая, увидели почти одно и то же, или — по крайней мере — нечто весьма схожее? Разве трудно заметить параллель в таких строках, как: «в мире все постигнул он» и «умом, энергией, знанием в равной мере наделенный»; «всезрящей мыслию над миром он носился» (или, как у Боратынского, «крылатою мыслью он мир облетел») и «на дне глубоких дум его — море»; «и ничему не покорился» и «кто смел Абаю гордому перечить?»

Мне это кажется тоже примечательным.

Не говорит ли и это о том самом магическом родстве разноречивого поэтического духа?

Все это, думается мне, очевидно перекликается с гетевской теорией духовной продуктивности гения. Высшая духовная продуктивность была уделом, счастливым даром, гордой судьбой великого степняка Абая.

* * *

Обратим внимание на генезис Гете и Абая. И здесь мы обнаружим немало сходства и созвучия.

Гении не случайно ведь приходят в этот мир. Сама природа заботится о прогрессе человеческого духа. Помните: общество нуждалось в титанах, и оно породило титанов? Белинский заметил в «Сочинениях Александра Пушкина»: «Создает человека природа, но развивает и образует его общество».

Гете родился в 1749 году в захолустной, отсталой, усталой от бесконечных войн и княжеских междоусобиц Германии. Мы знаем, какую резкую, убийственную характеристику дал Ф. Энгельс феодальной Германии того времени. Приведу лишь одну фразу: «... отвратительная гниющая и разлагающаяся масса».

Молодой Гете испытывает острое недовольство убогой германской действительностью; он люто ненавидит немецкое мещанство, выражает протест против общественных порядков; в период «Бури и натиска» обращается к легендам, к натурам сильным и дерзким, презирающим условности прогнившего

общества; ничтожество среды его угнетает, удручает. Этим объясняется его бегство в Италию. Увлечение древнегреческими мифами, историей, искусством, классицизмом. Увлечение латинской поэзией. Душно ему в Германии, раздробленной на сотни княжеств и карликовых государств. Невыносимо до отчаяния. Он ищет и пытается найти, подавляя активность собственной природы, забвения в «Innerlichkeit» — в особой созерцательности душевного строя, в «задушевности», в уходе, в бегстве от грубой реальности в зыбкие глубины собственной души.

Тщетные поиски. Напрасные надежды.

Абай родился почти сто лет спустя в патриархально-феодальной степи. Вековая отсталость. Духовная изоляция. Колониализм. Мотивы скорби — «зар заман». Мусульманская книжность. Проблески русской демократической культуры. Из конца в конец просторной и величавой степи бредут-плывут богатые и бедные кочевья. Смутная тревога томит чуткого, любознательного и впечатлительного мальчика Ибрагима. Куда ему бежать? В Семипалатинское

духовное училище-медресе? Чем утишить душевную смуту?

*Физули, Шамси, Сайхали,
Навои, Саади, Фирдоуси,
Хожа Хафиз — бу эмәси
Мәдет бер я шағири фәрияд.*

*Физули, Шамси, Сайхали,
Навои, Саади, Фирдоуси,
Ходжа Хафиз — все вы
Помогите моему стремлению.*

(подстрочный перевод)

Ни молодой Гете, ни юный Абай еще не догадываются о своем предназначении.

«Отец Гете был имперским советником города Франкфурта и принадлежал к тамошней достаточной буржуазии. Это был человек спокойный, методический, благоразумный, рассудительный, расчетливый и вместе с тем настоящий бюргер-формалист, выразитель типа, довольно распространенного в Германии» — говорится в книге А. Шахова «Гете и его время»¹

Вчитаемся в эту характеристику, обратим внимание на ряд определений, характеризующих отца Гете, и тут же вспомним степного султана Кунанбая, от-

ца Абая, там, в урочище Жидебай, у подножья Чингисских гор. Вспомним эту колоритную личность, крупного, властного феодала по описаниям Ауэзова в его блистательной эпопее и отметим поневоле для себя, что многие из выше приведенных определений в значительной степени присущи и ему — своему равному, яростному султану-правителю.

Отец Гете был требователен и строг к своим детям. Отличался он и упорством, разнообразными способностями и знаниями, яростностью и честолюбием, настойчивостью и целеустремленностью. Заурядным назвать его трудно.

А вот каким увидел Кунанбая Адольф Янушкевич в 1846 году:

«Кунанбай — это ну просто машина для говорения, часы, которые только тогда не идут, когда не заведены. Как только проснетесь, пускает в ход свой язык и говорит неустанно, пока не заснет. Каждую минуту приходят к нему киргизы за советом, а он, как оракул, который вещает со своего треножника, часто подперев бока руками; на каждые три слова цитата из шариата, а память у него такая удивительная, что все указы и

¹ С.-Петербург, издание III, 1908, стр. 33.

распоряжения правительства приводит, будто по книжке читает»¹

Мать Гете, Катарина Элизабет Текстор, по свидетельству современников, отличалась умом, доброжелательностью, жизнерадостностью. Гете, старший ее сын, считал, что поэтическое воображение он унаследовал от матери. У него есть стихотворение «К моей матери», пронизанное чувством глубокого почитания и трогательной любви. По словам самого Гете, от матери он унаследовал также веселость, общительность и фантазию.

Мать Абая, Улжан, была степенной, мудрой, всеми уважаемой женщиной. С нею считался и феодал до мозга костей Кунанбай. Одна из лучших сцен эпопеи «Путь Абая» — диалог между Улжан и Кунанбаем, отправляющимся совершать хадж, паломничество, в Мекку. Какое достоинство и самообладание! Какое благородство! Улжан одаривает любимого сына Ибраги́ма, названного ею ласково Абаем, душевной щедростью и чут-

костью. Абай не жаловался на детство. «От отца нас шестеро, от матери — четверо, одиноким быть нет причин», — говорит он в «Восьмистишиях».

Гете никогда не знал нужды, не испытывал голода, не знал страха из-за хлеба насущного, жил в довольстве, можно сказать, даже в роскоши, хотя она никогда не была для него самоцелью и относился он к ней довольно спокойно, отрешенно, а то и безразлично.

Не знал нужды и Абай, жил в достатке, вполне обеспеченно, безмятежно в традиционном понимании неприхотливого степняка, владел табунами и отарами, жил в богатой белой юрте, о хлебе насущном не заботился, хотя прекрасно понимал, чувствовал истинную бедность и беспросветную нужду неправых соплеменников и реалистически выразил свое понимание, сочувствие и сопереживание в своем творчестве.

Имперский советник города Франкфурта видел в мечтах своего сына совсем не тем, кем он стал впоследствии. По его настоятельному желанию весной 1772 года Гете отправляется в Вецлар для ознакомления с юридической практикой при импер-

¹ А. Янушкевич, «Дневники и письма из путешествия по казахским степям», «Казахстан», 1966, стр. 184.

кой судебной палате. Отец видел своего сына чиновником по судебному ведомству. На этой почве между отцом и сыном нередко происходили трения. «... С отцом я не сумел наладить добрых отношений...», — признавался позже Гете в «Из моей жизни. Поэзия и правда».

И степной султан Кунанбай уготовил для сына отнюдь не судьбу поэта. Он видел в нем своего достойного наследника, сподвижника, помощника в управлении чернью, в меру образованного, знающего законы, искушенного в родовых тяжбах и интригах бия-златоуста. С этой целью отправил он десятилетнего сына в далекий степной городишко Семей, в мусульманское духовное училище.

Но молодой Гете не испытывал никакого расположения к занятиям в имперской судебной палате. В Вецларе он усиленно занимался изучением поэтов. «Мысленно я уже отбросил занятия юриспруденцией и посвятил себя языкам, древности, истории и всему, что из этого вытекало. Правда, величайшую радость мне неизменно доставляло поэтическое воплощение того, что я подмечал в себе, в других и в природе», — вспоминал Гете.

И Абая не привлекало изучение религиозной схоластики. Известно, что тайно от мулл в медресе он посещает и русскую приходскую школу, осваивает русскую грамматику, в нем просыпается жадная тяга к знаниям, к поэтическому слову.

Недолго пробыл Гете в Вецларе.

Всего три года проучился в Семипалатинске Абай.

Рано научилась трудиться душа Гете. Поэтическое озарение осенило его в совсем юном возрасте. Вся долгая жизнь была до предела наполнена нечеловеческим напряжением воли, духа, постоянным тяжким трудом. А его считали счастливчиком, баловнем судьбы.

Никто не мог упрекнуть сына могущественного феодала в инфантильности, не был он фрондерствующим мурзой, степным щеголем, разъезжающим по аулам в поисках утех. Душевная возмужалость пришла к нему рано. Честь рода налагала огромную гражданскую, человеческую ответственность. Юноша обладал чутким, ранимым сердцем, обостренной совестливостью, тревожным мышлением. Тем, что мы называем трагедией души. По утвержде-

Гете и Абай

нию его племянника Какитая, Абай уже в пятнадцатилетнем возрасте смело вмешивался в родовые тяжбы, как равный спорил с многоопытными биями, овладел навыками и приемами шешена-оратора, пользовался большим весом среди простого люда и теми, кто управлял им. Благополучие, безмятежность, сытость — это только в представлении обывателя. Сорокалетний Абай жалуется на одиночество, на усталость, на отсутствие друзей, на душевное смятение и муки. А его считают баем, владельцем табунов, у которого ни забот, ни горюшка.

«Меня всегда называли баловнем судьбы, — признавался как-то Гете Эккерману. — Я и не собираюсь брюзжать по поводу своей участи или сетовать на жизнь. Но, по существу, вся она — усилия и тяжкий труд, и я смело могу сказать, что за семьдесят пять лет не было у меня месяца, прожитого в свое удовольствие. Вечно я ворочал камень, который так и не лег на место».

Вот вам счастливец и баловень судьбы!

Эту же мысль Гете выразил в стихотворении «Элегия» (1823):

*Богов любимцем был я с детских лет,
Мне был ларец Пандоры предназначен,
Где много благ, стократно больше бед.
(пер. В. Левика)*

А сколько подобных горестных признаний у Абая! Он говорит:

Мое довольство — призрачно оно.

Или:

*«... скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален.
Мыслью не с кем поделиться!»*

Или:

*Измучен, обманут я всеми вокруг.
Меня предавали и недруг, и друг.*

Или:

Нет жизни у меня в груди...

Или:

*Жизнь моя коротка,
А цель далека,
И силы мои сочтены.*

Или:

*Велика семья,
Но не понят я,
И живу средь людей один.*

Или:

Сердце мое — в сорока заплатах...

Гете и Абай

Или:

Я боролся один против тысяч...

И так далее, и тому подобное...

Вот вам и беспечный, безмятежный бай!

Примечательно и признание Гете о камне, «который так и не лег на место». Не напоминает ли он абаевский утес, с которого он тщетно кричал каждый день.

*Был все тот же утес подо мной —
Отклик есть, но отклик пустой.*

Разве не об одном и том же говорят здесь Гете и Абай?..

«Олимпиец» Гете признается, что вся его жизнь — «усилия и тяжкий труд». Обратим внимание на глаголы в «Гаклиях» Абая, которые он употребляет для характеристики своего жизненного пути. В первом же предложении «Первого слова» читаем: «боролись, сшибались, спорили, тягались — вдосталь извели лиха»; в следующем предложении: «обессилел, устал душой». Через несколько абзацев: «Ни в душе, ни в жизни твоей нет покоя». В «Третьем слове» опять: «враждовали», «ссорились», «разбились на партии», «дрались за власть». И вопро-

сы, вопросы, извечные «проклятые» вопросы бытия: как жить? как быть? что делать? Я посчитал: в «Первом слове» одиннадцать вопросительных предложений, в «Десятом слове» — двадцать восемь, в «Двадцать третьем» — двадцать четыре, в «Сороковом слове» — сорок четыре и т. д. Поистине сомнения терзают Абая. Он постоянно вопрошает. Тревожит, будоражит душу себе и другим, словно выполняет наказ господина Мефистофелю из «Фауста»:

*Из лени человек впадает в спячку
Ступай, расшевели его застой,
Вергись пред ним, томи и беспокой,
И раздражай его своей горячкой.*

(пер. Б. Пастернака).

Гете поначалу пишет стихи явно подражательно, под литературную моду, в стиле рококо. Он не печатает их, не афиширует; они долгое время оставались в альбомах друзей, в рукописных сборниках. Собрал он их позже, когда уверовал в свои силы. Гете вспоминал в «Поэзии и правде»: «... во мне вновь возродилась давно уже не испытанная потребность в стихотворстве. Я сочинил для Фридерики множество песен на знакомые мотивы. Они составили бы объе-

Гете и Абай

мистый томик; сохранились из них лишь немногие, и их трудно найти среди других моих стихотворений».

Ранние, дошедшие до нас стихи Абая, тоже подражательные, с явным налетом мусульманской книжности, густо пересыпанные арабизмами, фарсизмами, чагатаизмами. Он их приписывал другим, до сорокалетнего возраста скрывал свое авторство, пока не почувствовал свою зрелость и поэтическую, гражданскую значимость.

Юность прошла, промелькнула. И для Гете, и для Абая начинается характерный этап настоячивых поисков гармонической целостности через искусство, через Слово, через Поэзию, способные успокоить, утешить душевную смуту, преодолеть убожество действительности путем эстетического воспитания, путем воздействия на толпу, на среду силой и магией высокого, одухотворенного художественного слова. Слову поэта, связанному с реальной жизнью, придается первостепенное значение.

«Все мои стихотворения — стихотворения «на случай», они навеяны жизнью и в ней же коренятся. Стихотворения, взятые,

что называется, с потолка, я в грош не ставлю», — говорит Гете.

О жизненной основе своей поэзии говорит и Абай:

*Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
(пер. В. Звягинцевой)*

Или:

*Не для забавы я слагаю стих,
Не выдумками наполняю стих.
(пер. Д. Бродского)*

(Нечто похожее встречаем у Гете: «Я пишу не для того, чтоб вам понравиться, вы должны чему-то научиться!»)

Но ни Гете, ни Абай не находят искомой гармонической целостности в той среде, в которой они жили. Часто, слишком часто настигало их разочарование.

*С пути сбиваясь, я дружил с толпою,
Тебя познав, стою я, одинок! —*

скорбно говорит Гете в своем «Посвящении», написанном в 1784 году.

Сто лет спустя Абай ему вторил:

*Как могила шамана, я
Одинок — вся правда моя!
(пер. Л. Озерова)*

«И, наконец, что такое жизнь

Гете и Абай

немецкого ученого? Если для меня в ней и могло быть что-нибудь хорошее, то об этом не принято говорить, а то, о чем можно говорить, — не стоит труда. Да и где они, эти слушатели, которым хотелось бы рассказать?» — печально вопрошает Гете. Та же мысль звучит в его стихотворении «Раскрытие тайны»:

*Но где тот блюститель слова,
Что Слова ценность постиг?*

Не та же интонация слышна в «Первом слове» Абая? «И терзает мысль: чему же посвятить остаток дней своих? Чем заняться?» И не тот ли самый риторический вопрос и почти в тех же выражениях, что у Гете, задает себе Абай: «Найдется ли теперь человек, который внял бы моим словам?»

В стремлении упорядочить, гармонизировать свое окружение, в надежде улучшить общественный уклад, разуверившись в штюрмерском бунтарстве, в 1775 году Гете становится придворным и министром мелкого Саксен-Веймарского герцогства Карла Августа: руководит правительством карликового государства, занимается горнорудной промыш-

ленностью, строительством театра, увлекается естественными науками, искренне верит в просвещенный абсолютизм. Десять лет жизни провел Гете в качестве министра при Веймарском дворе, убеждаясь с годами в своих бесплодных мечтах и наивности своих надежд.

Ровно сто лет спустя, в 1875 году, и Абай, уповая на просвещение народа и улучшении его жизни, добивается избрания себя волостным управителем Коныр-Кокше-Тобыктинской волости. Он ратует за справедливость в системе управления, заботится об общественном порядке в вверенной ему волости, об образовании соплеменников. Волостным управителем Абай пробыл лишь три года: роль чиновника колониальной власти и убеждения «чуткого ухом, сердцем и душой» поэта оказались, как гений и злодейство, «две вещи несовместные».

В годы своей активной преобразовательной деятельности при Веймарском дворце Гете интересуется и уголовным правом, затевает борьбу против маклеров и перекупщиков земли, разрабатывает проект новой налоговой системы, облегчающей жизнь земледельцев.

Гете и Абай

Известно, что и Абай принимал активное участие в усовершенствовании правового кодекса, бытовавшего в то время в степи. В 1885 году он участвовал в работе чрезвычайного съезда в Кара-Моле в числе представителей родов Среднего жуза и в проект нового положения («Ереже») внес весьма существенные «бапы» (то есть, пункты, статьи, параграфы), освобождающие вдов от жестокого и унижительного обычая аменгерства, закрепляющие за ними право свободы в выборе супруга, а также вносящие более справедливый и гуманный порядок в вопросе наказания за воровство и угон скота.

Многие надежды рушатся, разбиваясь, как волны о берег. Нередко человек приходит к тому же выводу, что и Вертер в своем прощальном письме: «Alles in der Welt läuft doch auf eine Lumperei hinaus», то есть, «все в мире кончается вздором». А это и есть то самое, что выражено в казахском афоризме: «Аяғы дүниенің ырым-жырым», то есть «конец жизни — что лоскут изодранный». Немецкое «Lumperei» поразительно созвучно в этом случае казахскому «ырым-жырым».

Эту же вертеровскую мысль из романа Гете выразил и Абай:

*То не жизнь позади,
а несбывшийся сон!
Лучше б жил я,
от светлой мечты отрешен.*

Или:

*Өмірдің алды ыстық, арты суық,
Алды — ойын, арт жағы мұңа жуық.
Начало жизни горячо, конец — холоден,
Игра — в начале, а в конце —
к печали ближе.*

(подстрочный перевод)

Общий казенный оптимизм не устраивает Абая. Верность идеалам вступает в противоречие с реальностью жизни, отсюда — разлад в душе, разочарование, пессимистический настрой в иных стихотворениях. При этом — искренняя горечь, настоящая боль, а не упоение скорбью. Не мог Абай успокоиться на сделке, на компромиссе.

Гете олицетворял духовное единство своего народа.

За это же единство страстно ратовал и Абай.

Гете всегда осознавал себя национальным поэтом. Поэтом единой Германии. Он выбрал в себя все лучшее, что создала за многие века немецкая нация. И

Гете и Абай

именно на это обстоятельство обратила внимание СЕПГ в своем Манифесте по случаю 200-летнего юбилея Гете в газете «Нойес Дойчланд» (от 23 марта 1949 года): «В раздробленной и разорванной на куски Германии Гете воплотил в себе единство немцев в области духовной жизни и языка... В значительной мере благодаря ему немецкая литература возвысилась до уровня развитых национальных литератур и вышла в сокровищницу мировой культуры».

Тут уместно также вспомнить, что Гете первым выдвинул понятие «мировая литература».

И Абай никогда не ограничивал себя узкородовыми интересами. Неизменно осознавал себя национальным поэтом. Страстно и последовательно призывал казахов к единству. Едко высмеивал и разоблачал узколобых родофилов и родофобов. И никогда не говорил лишь от имени «своих» тобыктинцев и только для тобыктинцев. Он был устремлен к будущему и видел всегда весь казахский народ в совокупности, в единстве. Он говорил: «О, казахи мои...» Говорил: «Мой родной народ!» Признавался: «Народу отдал я любовь...» Сетовал:

*Разрознен мой родной народ,
Расколот, разобщен.
Мне жить спокойно не дает
Вражда со всех сторон.*

(пер. П. Карабана)

Внушал, поучал:

*Коль казах казаху не друг,
Будет жизнь постылой вокруг.*

(пер. Л. Озерова)

Литературная и просветительная деятельность, активная гуманистическая и демократическая позиция в условиях феодально-патриархальных отношений были сродни мужеству. На эту сторону личности Абая обратил внимание Л. М. Леонов: «Нужно поистине обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрестке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом надо обладать, чтобы поведать своему народу о делах, видных с поднебесной высоты, и, наконец, редкостной смелостью обладать надо, чтобы возвысить этот голос в условиях, царивших здесь столетие назад... Таким был Абай Кунанбаев — человек-маяк своего народа»¹

И то, что Гете и Абай, буду-

¹ Русские о казахской литературе, Алма-Ата, 1957, стр. 87—88

чи подлинно национальными поэтами, поднялись на вершины всечеловеческого и общечеловеческого самосознания, также роднит их духовно.

Речь идет о генезисе Гете и Абая. Я выявляю некоторые схожести, очевидные параллели их внешней биографии. Точнее, общие мотивы их творческой судьбы.

Биографические параллели можно продолжить. Можно вспомнить бесчисленно раз описанных и во всех немецких литературных справочниках неизменно перечисляемых любимых женщин Гете, к которым он в разные годы воспылил страстью: Кетхен Шёнкопф, Фридерике Брион, Лили Шёнеман, Шарлотта фон Штейн, Кристиане Вульпиус, Минна Херцлиб, Марианна фон Виллемер, Ульрика фон Левцов.

Вспомним Дильду, Тогжан, Салтанат, Айгерим, Еркежан в судьбе Абая.

Вспомним, что у жизнелюбца Гете было и немало трагического в жизни, были духовные кризисы, были крутые перемены в сознании, были потери близких людей, увлечение мистикой. Ясно, что ларец Пандоры — вместилище бед, предназ-

наченный поэту, был упомянут Гете не ради красного словца. «Кто ищет, вынужден блуждать», — говорится в «Фаусте».

В 1830 году умер в Италии единственный сын Гете — Август. Только титанический труд и воля спасли тогда Гете от духовного краха. Он пишет своему другу композитору Цельтеру: «Самое удивительное и существенное в этом испытании то, что я должен один и с еще большим трудом влечь на себе бремя. Одно лишь великое понятие долг — может заставить нас устоять. Я стараюсь сохранить равновесие физическое, остальное образуется само. Тело должно, дух хочет — значит, человеку, который знает, что желаниям его предначертан неизбежный путь, долго раздумывать не приходится... Итак, через могилы, вперед...»

Все это многоликое горе — кризисы, потрясения, потеря близких, смерть любимых сыновей, отчаяние, скорбь — сполна изведаль и Абай. В скорбные минуты с мольбой обращался он к всевышнему. В словах Абая: «Сердце мое из сорока заплаток» нет преувеличения. «Тяжелым и тернистым был мой путь», — признается Абай. Тяж-

ким горем для Абая была смерть любимого сына Абдрахмана, воспитанника Михайловского артиллерийского училища в Петербурге, поручика артиллерии в Верном, где он и умер в 1895 году в возрасте двадцати семи лет. Горе потрясло Абая: он посвятил несколько стихотворений памяти сына. В одном из них Абай говорит о сыне:

*Он был вестник нового дня,
Завершаю я прошлый век...
Тяжела утрата моя!
Больно!... Старый я человек...*

*Горем сломлен я пополам.
Слезы горькие лью ручьем,
Будто кто меня по глазам
Что есть мочи хлестнул бичом.*

(перевод Ю. Нейман)

Характерен и такой факт. Гете знал немало языков, говорил: «Кто не знает других языков, ничего не знает и о своем родном», и многих великих поэтов читал в оригинале. И Абай, кроме родного, знал русский, арабский, персидский, турецкий языки и читал в оригинале Пушкина, Лермонтова, Щедрина, Омара Хайяма, Хафиза, Рудаки.

Гете занимался живописью.

Абай сочинял музыку на свои стихи.

И т. д.

Может, все это случайные совпадения? Наверняка случайные. Случайные в отношении к этой личной жизни, к конкретному индивидууму, но никак не случайные в отношении к той исторической миссии, уготованной судьбой или — скажем прозаичней — определенными социально-общественными обстоятельствами, духовной необходимостью, породившими Гете и Абая.

Именно в этих внешне, казалось бы, никак не мотивированных совпадениях и сходствах в судьбе двух титанов кроется их несомненное родство и человеческая близость.

Любимая мысль Томаса Манна: «Любые творческие силы должны служить высокой цели гуманизма, поискам истинной человечности — жизни, достойной Человека».

В служении этой цели Гете и Абай величественно созвучны.

• • •

Сделаем еще одно отступление и поговорим о метрике и строфике в поэзии Гете и Абая.

Будем, однако, помнить, что немецкий и казахский языки — разноструктурны и разносистем-

ны и что тоническое и силлабическое стихосложение — разные вещи.

Известна громадная заслуга Иоганна Вольфганга Гете в формировании и становлении нормированного немецкого литературного языка. По свидетельству специалистов-германистов процесс объединения национального литературного языка в начале XVIII века еще не был завершен. Требовались большие усилия, напряженные поиски, яростные споры и плодотворная творческая деятельность немецких языковедов, философов, литераторов в выработке приемлемого для всех немцев раздробленных государств и княжеств единого литературного языка, в преодолении диалектных особенностей, местных речений, провинциальных норм произношения и т. д. Выдающуюся роль в этом направлении сыграл всем своим многогранным творчеством Гете, хотя сам он до конца своей жизни сохранил характерные особенности франкфуртской речи, как Фридрих Шиллер — окраску швабского диалекта.

«Гете использовал все богатство рифм, возможных в немецком языке, испробовал все

стихотворные размеры, разнообразил строфическое построение стихотворений. Все, на что способна поэзия на немецком языке, было воплощено Гете», — констатирует известный исследователь Гете А. А. Аникст¹

То же в равной степени в отношении к казахской поэзии можно сказать и об Абаете.

Он является родоначальником новой казахской литературы и создателем литературного языка. Он тоже сознательно и настойчиво стремится к расширению смысловых и ритмико-мелодических возможностей казахского стиха, разнообразию строф, стихотворных строк, рифмы. Более того, мы можем вполне удовлетворительно говорить о введении Абаетом элементов тонизации казахского силлабического стихосложения. Абаетеды давно подсчитали: около двух десятков новых форм ввел Абай в казахское стихосложение.

Гете тоже необычайно расширил границы форм немецкого стихосложения. В его «Римских элегиях» применена античная стихотворная метрика, в «Запад-

¹ Johann Wolfgang Goethe. Gedichte. Moskau. Progreb. 1980. S. 6

но-Восточном диване» нетрудно выявить формы, метрику, строфику восточной поэзии.

Тема грандиозная. Чтобы конкретными примерами проиллюстрировать явное сходство и параллели в реформаторской деятельности Гете и Абая относительно — соответственно — немецкого и казахского стихосложения, необходимо оперировать большим количеством стихов на языках оригинала, что, понятно, создает, с одной стороны, определенную трудность и неудобство для восприятия, а с другой — уведет автора данного очерка далеко в сторону, образуя тем самым явный крен. Поэтому я здесь ограничусь лишь несколькими наблюдениями в этом вопросе.

Русскому читателю напомним, что наиболее распространенный размер казахского стихосложения — одиннадцатисложный традиционный стих с рифмовкой ААБА. Другая исконная форма — семи-восьмисложник с перекрестной рифмой АБАБ. Эта метрика уходит своими корнями в народно-поэтическую традицию. Эти формы стихосложения преобладают и в современной казахской поэзии, как наиболее соответствующие при-

роде казахской (силлабической) версификации.

Одиннадцатисложный традиционный стих и семи-восьмисложник с рифмой АБАБ и ААБА чаще всего встречаются и в поэзии Абая. Примеров привести не буду: достаточно вспомнить стихи Абая или — на худой конец — заглянуть в его книги.

Казахскому читателю могу сказать, что рифма ААБА вообще не свойственна немецкому стихосложению (как, впрочем, и русскому, за исключением переводной или стилизованной поэзии), и у Гете она не встречается. С другой стороны, в немецкой поэзии, в «книттельферзе» (раешный стих), в творчестве Гете сплошь и рядом встречаются двустушия с парной рифмой ААББВВ и т. д., что почти немыслимо в поэзии казахской, в частности, и в поэзии Абая — разве лишь как элемент первой половины традиционного одиннадцатисложника и заключительных стихов «Восьмистишия».

Строфы с рифмой АБВВ — тоже нечастые гости в казахской поэзии. Но у Абая они есть. В обилии мы их находим у Гете. От примеров опять-таки воздержусь: они очевидны.

Гете и Абай

Ввел Абай в обиход казахского стихосложения и шестисложник с перекрестной рифмой. Тут пример, пожалуй, уместен.

*Қызарып, сұрланып,
Лүтілден жүрегі,
Өзгеден ұрланып
Өзді-өзі керегі.*

*И краснеть, и бледнеть,
Сердцем дробь отбивать,
На других не глядеть,
Друг о друге вздыхать.*

(пер. М. Тарловского)

Или:

*Ысытқан, суытқан
Бойыңды бір көңіл.
Дүниені ұмытқан
Құмарың тозар, біл.*

*Холод, жар... молод, стар,—
Каждый знал страсти власть.
Но, родник дивных чар,
Без следа сгинет страсть.*

(пер. М. Петровых)

Похожий размер не был чужд и Гете.

*Tage der Wonne
Kommt ihr so bald?
Schenkt mir die Sonne
Hügel und Wald?*

(«Frühzeitiger Frühling»)

Поиски новых стихотворных форм и у Гете, и у Абая преследовали в определенной степени и обогащение музыкальности

стихотворения. Гете написал ряд стихотворений в народно-поэтическом духе, который всей своей поэтической структурой напрашивался на музыкальное оформление. Неслучайно они тотчас привлекли внимание композиторов и стали любимыми песнями в немецкоязычных странах. Достаточно вспомнить судьбу «Полевой розочки» («Heidengöselin»), ее сказовость, напевность, светлую грусть и интимную доверчивость.

Музыкальность в самой природе и абаевских «Восьмистиший» и «Шестистиший». Ведь также неслучайно сам Абай сочинил музыку ко многим своим стихам. По свидетельству академика Ахмета Жубанова «... песни Абая написаны не иллюстратором, а композитором. Они отличаются большими музыкальными достоинствами и сыграли большую роль в развитии музыкальной культуры казахского народа».

Форма «Восьмистишия» — подлинное нововведение Абая.

*Алыстан сермен,
Жүректен тербен,
Шымырлап бойға жайылған,
Қиуадан шауып,
Қисынын тауып,
Тағыны жетіп қайырған.*

*Толғауы тоқсан қызыл тіл,
Сөйлеймін десең өзің біл.*

*Издали зовет,
От души идет,
Заставляет нас трепетать;
Он всего острей,
Он всего быстрее,
Может к месту лань приковать.
Многоликий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!*

(пер. Л. Озерова)

Речь здесь идет не об адекватности перевода, а лишь о форме, о размере стихотворения. Можно сказать, о внешних, формальных признаках.

Любопытно, что у Гете есть тоже своеобразное «восьмистишие», хотя и структурно заметно отличающееся от абаевской «Сегіз аяқ». Я говорю о стихотворении Гете «К новому году» («Zum neuen Jahr»), каждая строфа которого состоит из восьми стихов, рифмующихся, однако, не так, как у Абая. Приведу лишь одну строфу оригинала:

*Zwischen dem Alten,
Zwischen dem Neuen,
Hier uns zu freuen,
Schenkt uns das Glück,
Und das Vergangne
Heißt mit Vertrauen
Vorwärts zu schauen,
Schauen zurück.*

Предлагаю читателю, не владеющему языками оригиналов, всмотреться в форму «восьмистишия» у Гете и Абая. Нетрудно убедиться, что у Абая первые два стиха — пятисложник, третий стих — восьмисложник. Потом идет симметричный повтор этого размера, после чего строфу заключают два восьмисложных стиха с парной рифмой. Размер гетевского «восьмистишия» более традиционно организован, а рифмовка достаточно причудлива.

Схема рифмования абаевского «восьмистишия» — ААБВВБВВ — ГГ.

Схема рифмования гетевского «восьмистишия» — АБВВГДДВ.

Другое нововведение Абая в казахское стихосложение — «алты аяқ» — «шестиштишия».

Один пример:

*Бай сөйілді,
Бір бейілді,
Елде жақсы қалмады.
Елдегі еркек
Босқа селтек
Қағып елін қармады.*

Размер и рисунок строфы — даже звучанье! — тотчас ассоциируются со стихами из сцены «Кухня ведьмы» трагедии «Фауст»:

Гете и Абай

Познанья свет
Для всех секрет,
Для всех без исключенья!
Порою он,
Как дар, сужден
И тем, в ком нет мышленья.

(пер. Н. Холодковского)

Или вспомним песню Гретхен
из «Фауста»:

*Wohin ich immer gehe,
Wie weh, wie weh, wie wehe
Wird mir im Busen hier!
Ich bin, ach! kaum alleine,
Ich wein, ich wein, ich weine,
Das Herz zerbricht in mir.*

Где шумно, лодно,
Дышать мне трудно,
Поднять глаза на посторонних срам,
А дома волю
Слезам от боли
Даю, и сердце рвется пополам.

(пер. Б. Пастернака)

Можно привести параллельно строфы «шестистиший» из абаевского «Бойы бұлғаң» и гетевских «Между обоими мирами» («Zwischen beiden Welten») или заключительную строфу из «Мне нет покоя» («Meine Ruh ist hin»). Вообще к шестистрочной форме стихосложения Гете прибегает нередко (см. стихотворения «Благожелателям», «Одно и все», «Завет» и др.).

И у Гете, и у Абая схема рифмования «шестистиший» полностью совпадает — ААБВВВ.

Приведу еще один пример графической, структурной близости строфики и ритмики у Гете и Абая. Слева приведу песню Мефистофеля, поющего под собственный аккомпанемент на цитре, а справа — строфу из абаевского стихотворения «Ем таба алмай», представляя читателю возможность для — хотя бы визуального — сопоставления:

<i>Was machst du mir</i>	a 4
<i>Vor Liebchens Tür,</i>	a 4
<i>Katrinchen, hier</i>	a 4
<i>Bei frühem Tagesblicke?</i>	b 7
<i>Laß, laß es sein!</i>	c 4
<i>Er läßt dich ein,</i>	c 4
<i>Als Mädchen ein,</i>	c 4
<i>Als Mädchen nicht zurücke.</i>	b 7

<i>Босқа ұялып,</i>	a 4
<i>Текке именіп,</i>	a 4
<i>Кімді көрсем, мен сонан,</i>	b 7
<i>Бетті бастым,</i>	в 4
<i>Қатты састым,</i>	в 4
<i>Тұра қаштым</i>	в 4
<i>жалма-жан.</i>	b 3

Для этой же цели в том же порядке — еще один отрывок из «Фауста» (хор духов) и две строфы из стихотворения Абая «Сен мені не етесің» («Что ты делаешь со мной?»). Прошу обратить внимание на своеобразную переключку, внешнюю схожесть ритмики, на изло-

Гете и Абай

манную, наполненную нервной экспрессией, совершенно самобытную строфику у Гете и Абая. Справа столбиков укажу — как и в предыдущем примере — количество слогов и схему рифмования.

<i>Weh! Weh!</i>	a 2
<i>Du hast sie zerstört,</i>	b 5
<i>Die schöne Welt,</i>	c 4
<i>Mit mächtiger Faust;</i>	d 5
<i>Sie stürzt, sie zerfällt!</i>	c 5

<i>Ein Halbgott hat sie zerschlagen!</i>	e 8
<i>Wir tragen</i>	e 3
<i>Die Trümmern ins Nichts hinüber</i>	f 8
<i>Und klagen</i>	e 3
<i>Über die verlorne Schöne,</i>	g 8
<i>Mächtiger</i>	h 3
<i>Der Erdensöhne,</i>	g 5
<i>Präshtiger</i>	h 3
<i>Baue sie wieder,</i>	f 5
<i>In deinem Busen baue sie auf!</i>	i 9
<i>Neuen Lebenslauf</i>	i 5
<i>Beginne</i>	j 3
<i>Mit hellem Sinne,</i>	j 5

<i>Сен мені не етесің?</i>	a 6
<i>Мені тастап,</i>	б 4
<i>Өнер бастап,</i>	б 4
<i>Жайыңа</i>	в 3
<i>Және алдап</i>	б 4

<i>Арбап</i>	б 2
<i>Өз бетіңмен сен кетесің.</i>	a 8
<i>Неге әуре етесің?</i>	a 7
<i>Косылыспай,</i>	г 4
<i>Басылыспай,</i>	г 4
<i>Байыңа</i>	в 3
<i>Және жаттан</i>	д 4
<i>Бай тап,</i>	б 2
<i>Өмір бойы қор етесің!</i>	a 8

Боюсь, однако, утомить читателя: не каждому доступны оригиналы, да и формальные признаки версификационной техники далеко не у всех вызывают интерес. Поэтому разумно, пожалуй, ограничиться приведенными примерами.

Позволительно спросить: к чему все эти примеры и сопоставления? Что они доказывают? И доказывают ли они вообще что-нибудь?

Разумеется, я никак не утверждаю, что в поисках новых ритмико-мелодических возможностей казахского стихосложения Абай опирался на опыт Гете, что он литературно импортировал гетевскую строфику и ритмику, механически перенося ее в стихию казахского языка. Это было бы несерьезно. И — главное — ни к чему.

Я просто пытался показать, что даже в этой очень тонкой, внутренней, сугубо национально-поэтической материи Гете и Абай оказались очень созвучны, и в своих поисках и экспериментах стихийно или сознательно, но независимо друг от друга, закономерно, исходя из одних и тех же целей и задач, шли как бы рядом, по схожей тропе, при-

ходя к близким, иногда почти тождественным выводам и результатам.

Факт этот очевидный. И, несомненно, примечательный.

* * *

Я пишу не обстоятельное исследование, а очерк-эссе. Нечто конспективное с чисто осведомительной задачей. Доверительно делюсь некоторыми своими мыслями и наблюдениями с гипотетическим читателем, веду простую, доступную беседу на тему «Гете и Абай».

Читатель, разумеется, понимает, что обо всех аналогиях в творчестве Гете и Абая, о сходстве мотивов и ситуаций, типологических параллелях, о философском, эстетическом и этическом созвучии их мировосприятия в одном небольшом очерке никак не расскажешь. Необходимы конкретные, скрупулезные исследования в разных аспектах.

Представим хотя бы примерно: в каких направлениях может идти исследователь этой обширной темы?

Подчеркиваю: в данной работе Гете и Абай интересуют меня, главным образом, в единстве, в плане маргинальности, на стыке

духовной переключки и созвучия духа и идей.

«... искусство видеть человека — искусство редкое», — как всегда, словно мимоходом, обронил в одной из своих работ Виктор Шкловский.

Верно. Мы ведь не всегда видим тех, с кем сталкиваемся десятилетиями едва ли не изо дня в день.

Один из путей (и наиболее плодотворный!) более глубокого познания и постижения Гете и Абая — сравнительное чтение, выявление их точки опоры и взглядов на одни и те же проблемы бытия и нравственно-эстетические категории.

Это можно назвать ассоциативным сцеплением основных отправных точек в цельной системе мировосприятия художника.

Конкретно: как я это мыслю?

Прежде всего, нащупывая духовную близость Гете и Абая, необходимо исследователю обращать особенное внимание на отношение художника к своему времени. Это одно из требований самого Гете. В «Максимах и рефлексиях» он говорит: «Человек — всегда более или менее орган своего времени». И еще: «Самые великие люди связаны

слабостью со своим веком». Гете с юных лет находился в гуще своей эпохи, и социально-бытовая обстановка ее четко и точно выразилась в его социально-политическом мировоззрении, в его художественном творчестве и практической деятельности. Гете рано осознал свою недюжинную духовную миссию, не заблуждался в отношении своего высокого предназначения, и все его порывы, поиски, духовные и физические напряжения были подчинены осознанной воле. Ему принадлежит определение: «des Lebens Leben — Geist» — «Жизнь жизни — дух». На эту сторону человеческой сути Гете справедливо указал Н. К. Рерих: «Но знаменательно видеть, как Гете, как истинный посол Истины, не уклонялся от жизни, но находил улыбку ко всем ее цветам. Ограничение не к лицу все вместившему духу».

И Абай — сын своей эпохи. В чуткой душе его вмещались все тревоги и боли Степи в пору крушения феодально-патриархальных устоев, зарождения и проникновения капитализма. Абай — зрячее око. Абай — отзывчивое сердце. Абай — мудрость народа. Так определил его

значение Мухтар Ауэзов. И сам Абай, несмотря на невежество среды, на то, что, по его же словам, «всю жизнь терпел от подлецов», несмотря на неоднократные жалобы на одиночество, прекрасно сознавал свою значимость, как поэт, как человек, как гражданин, как философ-гуманист:

*Я шел путями бытия,
С невеждами боролся я,
И вот я вышел на вершину...*

Мысль эта емко выражена в «Путь Абая»: «Народ ждал поэта и заступника. Измученный и несчастный народ. Его родиной была эта широкая безлюдная степь. Его одинокие аулы затеряны в громадной пустыне. Нет постоянного, обжитого места. Нет кипящих жизнью городов. Народ разбросан по степи, словно жалкая горсть баурсаков, рассыпанная скупой хозяйкой на широкую скатерть... И нет от него ни следа, ни добра. Как пена на озере: возникает и исчезает. Сегодня в лощине, завтра на холме... А где же следы, которыми можно гордиться? Где наследство потомкам?..»

Думается, что будущему исследователю темы «Гете и Абай» следует идти еще вот по какому

пути. Творчество Гете за два столетия изучено вдоль и поперек. О его жизни, кажется, известно все, вплоть до того, что родился он «в полдень, с двенадцатым ударом колокола», родился в муках, болезненным, хилым мальчиком, что предком Гете в десятом (!) колене был замечательный немецкий художник XVI века Лука Кранах, что «Фауста» Гете кончил не просто незадолго до своей кончины, а совершенно точно 22 июля 1831 года и т. д.

И все-таки, чудится мне, что в фантастически богато и причудливо разветвленном мировом гетеведении есть еще белые пятна в философской, исторической, эстетической, этической, культурологической сфере, которую позволительно определить как «Гете и Восток». Чтобы всеохватно судить об огромном духовном материке, именуемом Гете, явно недостаточно знать его жизнь и творчество, его общественно-социальную, литературно-художественную среду, его время, его эпоху, всю западную цивилизацию в ее многомерном проявлении, кроме того, необходимо знать философию и поэзию Востока, чьи жизнетворные кровеносные сосуды также

питали дух «великого веймарца», тот самый яркий, пестрый чувственный мир «Моргенланда», где, по словам поэта, «ясным, мудрым слогом смертный вел беседу с богом, обретал без мук, без боли свет небес в земном глаголе», знать поэзию Хафиза, Джамии, Саади, Фирдоуси, Навои и других ярчайших звезд на восточном небосклоне.

С другой стороны, изучая Абая, необходимо выявить тончайшие нити, связавшие его духовный мир, его искания и стремления с западной цивилизацией, с ее философией, с историей общественной мысли. Ведь неслучайно он изучал европейских экономистов и обществоведов, неслучайно интересовался историей общественной мысли в Европе, неспроста удивил американского путешественника Дж. Кеннана, спросив его об индукционном и дедукционном методе познания мира. Человек, внимательно читавший Чернышевского, Добролюбова, Писарева, оригинально рассуждавший о сложных философских и этико-моральных категориях, полагаю, не мог не иметь хоть какого-нибудь представления о философах Спинозе, Канте, Гегеле, Шеллинге, ибо в

России прошлого века они были весьма популярны, достаточно вспомнить многочисленных русских гегельянцев, кантианцев, шеллингянцев, фихтианцев, оставивших в русской культуре значительный след. Несомненно, Абай, постоянно общавшийся с ссыльными типа Михаэлиса, Блека, Гросса, Долгополова и др., впитал немало от классической философии Запада. В этом можно убедиться, читая его «Гаклии».

Совершенно очевидно, что исследователя этой неохватной темы ожидают открытия именно на перекрестке двух магистральных путей — «Гете и Восток» и «Абай и Запад». Понятно, что для постижения этой темы потребуются обширные познания, кропотливые поиски и огромное прилежание.

В общественных взглядах Гете и Абая есть схожие мотивы, вытекающие из адекватного отношения к своей среде, к своему времени и из осознания в ней места и значения своей личности, своей исторической миссии.

Особо нужно здесь подчеркнуть, что как Гете, так и Абай — явления, отнюдь не ограничивающиеся определенными рамками времени. Они никогда не

в прошлом. Они всегда современники своих потомков. В этом их величие и бессмертие.

Об этом, кстати, говорил Иоганнес Бехер: «Мы обращаемся взглядом к прошлому, чтобы познать творения Гете, но, встретившись с его взором, мы словно поднимаемся на крыльях, переносимся из прошлого и сквозь настоящее смотрим в будущее, туда, где творения его обретут свое подлинное воздействие, осуществляются его идеалы. Ибо самое существенное в Гете, гетевская всеобъемлющая человечность, лежит в будущем»¹.

Эту же мысль более лаконично повторил И. Бехер и в своей страстной и проникновенной речи, произнесенной в связи с 200-летием со дня рождения Гете: «... царство, именуемое Гете, находится в будущем»².

Не было бы, думаю, прегрешением против истины, если мы в этих отрывках заменили имя немецкого национального гения именем великого казахского поэта-мыслителя: оба страстно

¹ И. -Р. Бехер, «О литературе и искусстве». Москва, «Художественная литература», 1981, стр. 87

² Там же, стр. 102

устремлены в будущее, и в этом их сущность и общность.

• • •

Благодатный материал для сопоставления исследователь найдет в лирике Гете и Абая.

Гете еще при жизни был признан одним из величайших лириков в мировой литературе. В названной выше речи о Гете И. Бехер отметил: «Гете был не только глубочайшим лириком, наделенным всеми мелодиями человеческой души, от патетических взрывов, экстатических гимнов до красноречивого вздоха тишины и шепота народной песни...»

А. А. Аникст подчеркивает: «Поразителен уже самый объем его лирического творчества: около тысячи стихотворений, примерно 35 тысяч строк, не считая больших эпических поэм и стихотворных драм. Не осталось такого рода поэзии, в котором Гете не создал бы шедевров, каждый в своем роде».¹

¹ В учебнике «История зарубежной литературы XVIII века» С. Д. Артамонова и З. Т. Гражданской сказано: «Гете за свою жизнь написал около 1600 стихотворений». (М., Учпедгиз, 1956, стр. 358)

Не могу сказать, сколько стихотворных строк у Абая, но и без подсчета очевидно, что во много раз меньше, чем у своего германского собрата. В книге М. Мырзахметова «Мухтар Ауэзов и проблемы абаеведения» (на казахском языке) указывается, что к настоящему времени установлено 230 стихотворений, принадлежащих Абаю (см. стр. 132). Ясно также, что дело отнюдь не в количестве строк. Лирика Абая тоже многообразна, емка, насыщена и глубока.

Вся гамма, все оттенки человеческих чувств отражены в лирике Гете и Абая. Думаю, не очень сложно проиллюстрировать это на конкретных примерах.

Возьмем, к примеру, переключку мотивов в понимании сути поэтического слова в творчестве Гете и Абая.

О социальной и общественной значимости слова, поэзии, искусства, о роли поэта в формировании общественного и национального сознания Абай размышлял постоянно. Свое понимание этого вопроса он изложил в программных стихах «Стихи — царь-слово, отбор словесный», «Я не пишу стихов для забавы», «На базар, как погляжу я, всякий едет», «Если

у кого-либо умер близкий, он скорбит» и других. Это своеобразные философские трактаты о природе искусства слова, о его смысле и назначении.

К этой основополагающей теме искусства, как мы знаем, не раз обращался и Гете. Он неизменно подчеркивал высокую значимость истинно поэтического слова.

*Как перед солнцем — тает ночи мгла
Пред силой пламенного слова.
(«Ильменау», пер. В. Левика)*

Абай как бы вторит ему:

*Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений.
(пер. В. Звягинцевой)*

В «Восьмистишиях» он утверждает:

*Многоликий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик.
(пер. Л. Озерова)*

Животворящую, созидательную силу Слова много раз подчеркивали древние восточные поэты. Их традиции, их понимание роли поэзии нашли отражение в творчестве Гете и Абая. Джамии, которого одинаково высоко почитали и Гете, и Абай, писал, например:

*Жизнь золотых сокровищ быстротечна.
А слов цена, скажу вам — вечна.
(пер. А. Шамухамедова)*

Речь, разумеется, идет о слове истинном, одухотворенном, возвышенном, по определению Абая «золотым изнутри, серебряным извне». Таким словом владеет поэт, песнопевец, познавший магию и тайну «царь-слова». Но необходимо еще, чтобы такое слово воспринималось и ценилось по достоинству слушателем и читателем.

*Где тот благодетель слова,
Что Слова ценность постиг?—*

спрашивает Гете в стихотворении «Раскрытие тайны».

Об этом же без конца вопрошает Абай:

Кто ныне слову здравому внимает?!

Горечью отдает в его стихах и прозе частое словосочетание «сөзді ұғарлық» — «понимающий слова».

О поэте свободном, независимом, понимающем свое назначение и оберегающем свое человеческое достоинство, Гете говорит в балладе «Певец». Бродячий певец посещает замок феодала. Песнь певца поражает короля. Он приглашает певца в свой

Гете и Абай

пышный, богатый дворец и предлагает ему в благодарность за доставленное удовольствие золотую цепочку. Но королевский дар не прельщает певца. Ему свобода дороже всего. Певец сравнивает себя с вольной птицей, которая не думает о вознаграждении за пение. Он тяготится положением придворного.

Абай с горечью и презрением говорит о тех акынах, которые расточают «за подачку душевный жар свой, теша встречных лестью», забывая о подлинном смысле высокой поэзии. Такие ткут пустые словесные узоры и ценой неискренних похвал лишь добиваются невысокой чести.

*И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях все скудела.
(пер. В. Звягинцевой)*

У настоящей поэзии возвышенные цели, благородные задачи.

*Чем должна питаться песня,
В чем стихов должна быть сила,
Чтоб внимали им поэты
И толпа их затвердила? —*

задается вопросом Гете, и отвечает:

*Призовем любовь сначала,
Чтоб любовью песнь дышала,*

*Чтобы сладостью звучала,
Слух и сердце восхищала.*

.....
*Наконец, мы сердцем страстным,
Видя зло, вознегодуюем,
Ибо дружим мы с прекрасным,
А с уродливым враждуем.*

(«Стихи», пер. В. Левика)

Так понимает смысл и значение поэзии и Абай, утверждая, что «не для забавы я слагаю стих, не выдумками наполняю стих», адресуя свою поэзию молодым, «чутким слухом, сердцем и душой», тем, у кого прозорливо сердце, чист разум, неустанно взывая к добру, благородству, к любви, к прекрасному, возвышенному, к мудрости и чести и враждуя с уродством жизни и среды, которое у Абая, как мы знаем, имело точное название — ложь, клевета, бахвальство, лень, лихоимство, разврат, плутовство, невежество. Дар поэта — редчайший дар.

*К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранника венчают славой,—*

говорит Абай.

Певцов, что «из мусора слагают стихи», Абай называет глупцами, и, обращаясь к «песнопевцу-брату», умоляет его не

пускать в свою душу слова пустые.

*Яви лишь честное, художник, рвенья!
Трудись размеренно, неколебимо,—*

призывает Гете в стихотворении «Природа и искусство».

Абай поднял казахскую поэзию на новую качественную ступень. Он понимал, что старая акынская поэзия изжила себя.

*А если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу,—
Такая песня миру не нужна,—*

заявляет он.

Пришло время для новых песен, для новых слов. Стихи своих предшественников, именитых поэтов XVIII и начала XIX веков Шортанбая, Дулата, Бухаражырау, Абай называет «стихами из лоскутов и заплат». Абая, однако, посещают сомнения: поймут ли в степи его слово, всем ли оно доступно, все ли в состоянии вникнуть в его потаенный смысл, всем ли оно по нраву. Об этих своих сомнениях он говорит в стихотворении «На базар, как погляжу я, всякий едет». Начальные строки этого стихотворения в подстрочном переводе звучат так:

*На базар, как погляжу я, всякий едет,
И все, что ищет, то и находит.*

*Покупает кто — зерно, кто — кораллы,
Всем одно и то же не дает базар.
Каждый ищет необходимое себе
И обретает то, что по карману.*

Абай убежден: написанное слово, что бисер, не потеряется, кто-то непременно подхватит, найдет и передаст другому. И уже в который раз он уповает на тех, в ком чуткая душа, в ком светоч в груди.

Речь здесь, в сущности, идет о подлинном и мнимом в поэзии, о слове глубоком, сокровенном, помеченном метой художника. Абай с иронической усмешкой приводит казахскую поговорку: «Зачем кораллы псу».

Подобной иронической усмешкой пронизано и стихотворение Гете «На базаре», в котором также речь идет о мнимом и подлинном в искусстве, о Мастере и его антиподе, мнящем себя художником.

*Нынче каждый заучил,
Что любой сапожник,
Что бы как бы ни строчил —
Он уже художник!*

*Что ж, гони гнилой товар!
Сам себя обманешь:
Сбудешь с рук — на то базар! —
Мастером не станешь.*

(пер. Б. Заходера)

В названном выше стихотворении Абай четко выделяет

свою, так сказать, сверхзадачу:

*Не для одного ведь я пишу —
для широкого люда.*

Схожую мысль высказал в беседе с Эккерманом и Гете: «Кстати, сказать, тому, кто не рассчитывает на миллион читателей, лучше бы и вовсе не писать».

Самое сокровенное доверяет поэт своим стихам. В них его душа, его боль, его радости и душевная смута.

*Но стих утаить — грудней всего...—
признается Гете («Признание»)*

*Но каяться в стихах — не стоит боле:
Стихам хранить секреты не дано,—*

вторит Абай.

Примечательна беседа директора театра, поэта и комического актера в «Театральном выступлении» в трагедии Гете «Фауст». Каждый из этих трех персонажей совершенно определенно, резко (иногда даже грубо) выражает свое понимание искусства и его назначения в жизни. В репликах Поэта творчество — возвышенное, прекрасное царство, «вершины, где божьей созданы рукою обитель грез, святилище покоя». Актер призывает: «Из гущи жизни заг-

ребайте прямо». Для него искусство — «искра истины среди мрака заблужденья». В «Театральном вступлении» Гете в форме спора, столкновения разных мнений выразил свое понимание роли искусства и места поэта в общественной жизни. И многие эти мысли в той или иной форме, в той или иной мере и степени явственно перекликаются с основными воззрениями Абая на творчество, на роль реалистического искусства и назначения поэта, как выразителя и носителя духовной мощи человека, как просветителя и глашатая высоких порывов, стремлений и истин.

• • •

Природа в творчестве Гете занимает важное место. Известно, что в понимании природы Гете был последователем Б. Спинозы, утверждавшего, что «бог есть природа». В «Поэзии и правде» Гете признается: «В конце концов я стал рассматривать свой врожденный поэтический талант как природу, тем паче что внешнюю природу отныне почитал за объект поэзии». Гете воспевал природу возвышенно, одухотворенно, в единстве, во

Гете и Абай

взаимодействии с жизнью, с человеком. Природа у Гете является воплощением естественности, свободы и красоты, раскрепощенности.

*И жизнь, и бодрость, и покой
Дыханьем вольным пью.
Природа, сладко быть с тобой,
Упасть на грудь твою!—*

пишет Гете в стихотворении «На озере».

Одна из любимых идей Гете — приближение человека к природе, стремление к слиянию с ней. Красота природы приводила его в восторг, вызывала умиление и ликование. Вспомним полную бравурной радости «Майскую песню», в которой поистине бурлит, ликует «бурной радости поток»..

*Wie herrlich leuchtet
Mir die Natur!
Wie glänzt die Sonne!
Wie lacht die Flur!*

*Es dringen Blüten
Aus jedem Zweig
Und tausend Stimmen
Aus dem Gesträuch.*

*Und Freud und Wonne
Aus jeder Brust.
O Erd, o Sonne!
O Glück, o Lust!*

*Как все ликует,
Поет, звенит!
В цвету долина,
В огне зенит!*

*Трепещет каждый
На ветке лист,
Не молкнет в рощах
Веселый свист.*

*Как эту радость
В груди вместить!—
Смотреть! и слушать!
Дышать! и жить!*

(пер. А. Глобы)

Природа для Гете — олицетворение радости бытия, счастья земной жизни. Она суть жизнеутверждения. Такое ощущение и понимание природы Гете передал словами Фауста, благодарящего Духа Земли:

*Ты отдал в пользование мне природу,
Дал силу восхищаться ей.*

Гете утверждал, что «всема-теринская природа... дарит человеку чувство вечного и бесконечного». Природа для Гете своеобразный синоним искренности, целомудренности, прелести жизни. Гете умел живописать природу, обходясь при этом всего несколькими точными мазками, выразительными штрихами, с помощью которых он, однако,

Гете и Абай

создает одухотворенную, многокрасочную картину. Вот пример такого живописания:

*Пьет туман рассветный
Остроконечные дали.
Зыбью огнецветной
Волны вдруг засверкали.
Ветер налетевший
Будит зеркало вод,
И, почти созревший,
К влаге клонится плод.*

(пер. В. Левика)

Молодостью, незыблемостью, свежестью, жизнерадостностью и блаженством веет от пейзажной лирики Гете. Напомню начальные строки из стихотворения «Май»:

*Облаков серебристых стая
Реет в воздухе согретом;
Солнце, ласково блистая,
Пар пронизывает светом.
Волны льнут, вздымаясь плавно,
К изобильным берегам.
Словно вымыта недавно,
Кольхаясь здесь и там,
Зелень клонится к водам.*

(пер. С. Соловьева)

Но живописание «чистой», «статичной» природы не являлось для Гете самоцелью. Душа жизнелюбца не воспринимала животворящую природу как — пусть и мастерски — запечатленный натюрморт. Природа у Гете живет в согласии с неуемной человеческой душой и отражает ее внутренний мир.

*Коль вниз ползет живая ртуть,
То быть дождю и буре,
Когда ж подымется чуть-чуть —
Высок шатер лазури.
То скорбь, то радость так же в нас
Волнение чередует;
В пространстве тесном их тотчас
Живое сердце чует.*
(пер. С. Соловьева)

Природа у Гете не «вещь-в-себе», не абсолютом, не самостоятельное божественное творение, пусть красивое и возвышенное. Природа и человек, природа и любовь, природа и жизнь, природа и искусство — вот любимые темы Гете, вот именно в таких сочетаниях он склонен воспринимать природу.

*Нет, весна не в блеске небосвода,
Не в полях она.
Там, где ты, мой ангел, там природа,
Там, где ты, — весна, —*

утверждает он в стихотворении «Белинде».

Гете постоянно подчеркивает созидательную силу природы. Он говорит: «Природа даст душе воспламенение». Одно из стихотворений Гете носит характерное название «Природа и искусство». Речь здесь идет о гармонии творчества, об искусстве и мастерстве, соразмерных извечным законам природы.

Гете и Абай

*Природы и искусства расхождение —
Обман для глаз: их встреча выполнима.
И для меня вражда их стала мнима,
Я равное питаю к ним влечение.*

(пер. М. Розанова)

И у Абая мы находим ряд стихотворений, посвященный описанию природы в разные времена года. Описывая красоту природы, Абай прибегает к ярким, свежим краскам, национальным образам и колориту, находит возвышенную, чистую тональность. На мой взгляд, идейно-эстетическая основа пейзажной лирики у Гете и Абая весьма созвучна. По сути дела Абай является зачинателем пейзажной лирики в казахской литературе. Для него природа неизменно материальна, конкретна, реалистически прекрасна, локальна, неразрывно связана с человеком, с социальной средой и бытом. Абай не просто созерцает дивные картины природы, не только находит сочные, сугубо «казахские» краски для ее живописания, а воспринимает ее как реальную действительность глазами поэта, то есть, как действительность, в которой собственно и заключено прекрасное. Сугубо пейзажная лирика в творчестве Абая по объему невелика, всего несколько сти-

хотворений — «По первой пороше охотник с беркутом выходит на охоту», «Лето», «Осень», «Октябрь с ноябрем — эти два месяца», «Зима», «Светлая луна в безветренной ночи», «Весна». Но удельный вес этих стихов в творчестве Абая весьма велик, так как в них развернуто описаны не только четыре времени года в степи, не только опозитивирована природа, но в целостном виде раскрыто мирозерцание поэта, его идейно-художественное кредо, его понимание многих социально-общественных проблем в условиях кочевой жизни. Несомненно, Абай понимал значимость своих творческих поисков, сознавал новизну своих творений, посвященных живописанию природы, и создал названные выше стихи в разные годы, опираясь, надо полагать, на опыт русской и европейской пейзажной лирики.

Каждое стихотворение Абая, посвященное описанию разных времен года, — широко реалистическое полотно, насыщенное конкретными реалистическими деталями. Радость, восторг, благодарность, свет и надежда пронизывают каждую строчку стихотворения «Весна». Оно, может, чуть сдержаннее в выражении

Гете и Абай

ликующей радости, чем гетевская «Майская песня», но созвучно по мировосприятию, по жизнеутверждающему началу:

*Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскою грудью вскормила земля
Все, что солнцем зачал в ней
отец-небосклон.*

(пер. П. Шубина)

В «Майской песне» Гете «трепещет каждый на ветке лист, не молкнет в рощах веселый свист», а у Абая в «Весне» — «песни, солнце и ветер, и птичий галдеж». У Гете: «Как все ликует, поет, звенит», у Абая: «Как весенней порою шумят тополя!» У Гете: «Стремится птица в простор небес». У Абая: «В голубых небесах — певчих птиц голоса».

«Майская песня» славит весну, природу, любовь, счастье, жизнь. Все эти темы и мотивы нашли воплощение в абаевской «Весне»:

*Как не верить нам
в милость природы-творца,
Если в мире весеннем щедрот
без конца?*

Герой «Майской песни» пылко обращается к своей возлюбленной: «Скорее, друг мой, на грудь мою! О, как ты любишь! Как я

люблю!» В «Весне» Абая земля-невеста, охваченная страстью, ждет на свидание жениха-солнца.

*И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.*

Мотив надежды, простой человеческой радости звучит и в другом стихотворении Абая «Лето». Аул, раскинувшийся на джайляу-летовке, навевает тихую радость, душевную ясность, покой. Краски удивительно мягки, колоритны:

*Летом, когда тенисты деревья,
И буйно цветут цветы на лугах,
И на широких речных берегах
Шумно раскидываются кочевья,
Так высока в степи трава,
Что спины коней видны едва...*

(пер. А. Жовтиса)

Но у Абая природа существует не сама по себе. Она густо населена степными реалиями: стаи гусей и уток оглашают криками степной простор, молодые женщины, «белея руками, томно изгибаясь», ставят юрты, табунщики на лихих конях спешат к аулу, юноши охотятся с ловчими птицами, старики в тени навеса, сидя на кошмах, ведут беседу... Все конкретно, динамично, живописно, реально. Природа и человек показаны во взаимодействии.

Гете и Абай

Этими же достоинствами отмечены и другие «пейзажные» стихи Абая, в которых реалистиче~и изображены также социально-общественные отношения в феодальной степи.

Поразительно мягким лиризмом, просветленностью и душевной чистотой выделяется короткое стихотворение Абая «Светлая луна в безветренной ночи». Это вершина пейзажной лирики в казахской национальной литературе. Насыщенная сугубо национальными красками, эта миниатюра своей гуманностью, внутренним согласием, проникновенностью достигает всечеловеческого звучания. Это гимн природе и любви, свободе чувств и интимному человеческому счастью. Как в стихотворениях Гете, здесь человек и природа стремятся к подлинной гармонии и обретают ее, сливаются с ней. Приведу стихотворение полностью:

*Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.
Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.
Горы ловят дальний гул,*

*Крик пастуший — в тишине...
На свиданье за аул
Приходила ты ко мне.
И отважна и кротка,
Ты прекрасна, как дитя...
Прибежав издалека,
Дух с грузом перевода.
Места не было словам.
Помню сердца чистый стук
В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг.*

(пер. Ю. Нейман)

Душевное состояние человека у Абая перекликается с явлением природы, как бы дополняя, оттеняя друг друга или контрастируя между собой. Для примера приведу здесь короткое стихотворение Абая в оригинале и подстрочном переводе:

*Көк ала бұлт сөгіліп,
Күн жауады кей шақта.
Өне бойың егіліп,
Жас ағады аулақта.*

*Жауған күнмен жаңғырып,
Жер көгеріп, күш алар.
Аққан жасқа қаңғырып,
Бас ауырып, іш жанар.*

*Пестрые тучи, распарываясь,
Истекают порою дождем.
Весь от тоски изнывая,
Ты слезы украдкой льешь.*

*От дождя обновляясь,
Земля, зазеленев, обретает силу.
От слез, опустошаясь,
Голова болит, нутро горит.*

Гете и Абай

Здесь я хотел бы попросить читателя вновь обратиться к приведенному выше стихотворению Гете «Коль вниз ползет живая ртуть...» и, прочитав его, сопоставить с абаевским «Пестрые тучи, распарываясь...» Разве не очевидно здесь внутреннее родство. Разве не о близком, созвучном идет речь в двух восьмистрочных и соразмерных стихотворениях Гете и Абая, отражающих душевное состояние человека в иные мгновения?..

* * *

А какое огромное место в творчестве Гете занимает тема любви, воспетая по-юношески пылко и страстно, то восторженно и вдохновенно, то философски спокойно и ровно, но всегда при этом воспламеняя воображение! О любви Гете писал с юных лет до преклонного возраста. Достаточно вспомнить его «Зезенгеймские песни», навеянные любовью к Фридерике Бривон, или откровенно эротичный цикл «Римские элегии», в которых использованы мотивы древнеримских поэтов, или своеобразный «Западно-Восточный диван», рожденный новым увлечением шестидесятипятiletнего

поэта очаровательной, как пишут все гетеведы, Марианной Виллемер, и, наконец, лирический цикл «Трилогия страсти», в котором всплеск страсти перемежается со скорбным мотивом отречения и невозможности счастья.

Любовь у Гете не абстрактное понятие, а мир, широкий, всеобъемлющий. На любви зиждется само человеческое бытие. В числе основных пяти понятий, вмещающих суть бытия,— Гете назвал их «первоглаголами» (Urworte) — наряду с такими философическими символами — знаками, как Демон, Случай, Неизбежность, Надежда, находится и Любовь. И если мир, как утверждает Гете, «прекрасен во всех своих обмерах», то первопричина этой красоты заключена в животворящей силе любви.

*Все мило мне: о, если б вечным было!
Сквозь грань любви мне все навеки мило.
(пер. В. Левица)*

*Вершина мечты,
Любовь — это ты!
(пер. И. Миримского)*

(Ср. у Абая: «Любовь — поистине краса жизни»).

Любовь как «живой источник

Гете и Абай

света», озаряющий и пронизывающий всю жизнь человека, наполняющий ее смыслом, — излюбленная тема Гете. Ее он варьирует вновь и вновь:

Мир без любви — не мир...
(пер. Н. Вольпина)

Или:

*А мне любовь лишь
Твоя нужна,
Дает мне радость
И жизнь она.*
(пер. А. Глобы)

Любовь — жизнь, любовь — весна, обновление души, любовь — счастье, любовь — «раннее утро жизненного мая», любовь — яркий свет в сердце, любовь — мир во всем ее пышном блеске, богатстве и красоте. Таков основной взгляд, философская основа Гете в понимании любви.

*И юноша, блестящим предан снам,
Идет в весну, весне подобен сам,
Он изумлен: весь мир ему открыт,
Огромный мир ему принадлежит.*
(пер. В. Левика)

Гете утверждает: любовь — деяние, смысл и назначение ее в сердечном слиянии с возлюбленной. Любовь — один из краеугольных камней в мировоззре-

нии Гете, заключающем в себе идею двойственного единства. В неизбывной тяге к этому единству, в стремлении к глубинному постижению «подобного себе другого существа» суть животворящей любви. (Идея двуединства звучит и у Абая: «Истинное сердце — слияние сердец»). Любовь — отрицание всего низменного, своекорыстного, эгоистического в натуре человека.

*В дыханье милой — теплый ветер мая,
Во взоре милой — солнца луч полдневный,
И себялюбыя толща ледяная
Пред нею тает в глубине душевной,
Бегут, ее заслышав приближенье,
Своекорыстье, самовозвышенье.*
(пер. В. Левика)

Любовь — высший дар судьбы, апофеоз счастья.

*И все ж любить — какое счастье!
Какой восторг — твоя любовь!*
(пер. Н. Заболоцкого)

*И я бессилен от любви,
И от любви силен.*
(пер. И. Грицковой)

Светлая, лучезарная, наполненная жизненными соками любовная лирика Гете поразительно богата и охватывает все тончайшие нюансы возвышенного человеческого чувства от едва заметного, робкого его проблес-

Гете и Абай

ка, нежных мгновений зарождения, до всеохватной ликующей страсти, постижения радости и счастья, от желанной вспышки жара в крови до умиротворения и страдания по утрате любви, «невозместимой тоскующей душе».

В вышеприведенных отрывках из разных стихотворений Гете, написанных в разные годы его долгой жизни, выражен Standpunkt его любовной лирики, его взгляда на любовь.

Благородное чувство любви во всех его проявлениях и оттенках описано в ряде стихотворений Абая. Стихи во многом созвучны с любовной лирикой Гете. Любовь в понимании Абая — великая радость, счастье, очищение души, гармония чувств, красоты внешней и духовной.

«Без любви жизнь пуста», — утверждает Абай, и утверждение это почти дословно перекликается с Гете: «Как пуст, как мертва мир без любви».

*А того, кто жил не любя,
Человеком назвать нельзя, —*

заявляет Абай.

Любовь — святой огонь души. Без него представить жизнь невозможно:

*Без ума — бия нет,
В доме тьма — дома нет.
Коль в душе нет огня,
Жизнь тюрьма, жизни нет.*

И подчеркивает:

*Ғашықтық — қиын жол.
Путь любви — труден.*

О любви Абай рассуждает серьезно, с мудростью зрелого человека, призывая к искренности чувств, к чистоте и благородству, к возвышенности сердечного влечения, психологически тонко подмечая и описывая и пылкую страсть, и нежную истому, и счастье единения влюбленных.

И в любовной лирике Абай выступил новатором казахской поэзии. Говоря о том, что «язык любви — речь без слов», Абай впервые нашел чистые и возвышенные слова, обороты, сравнения для выражения тонкого чувства, научил казахских девушек и юношей говорить об интимном поэтически восторженно, открыто и целомудренно, с подлинной доверчивостью и задушевностью, без излишней пышности, метафоризации и символики. «Ты — зрачок глаз моих», «Привет тебе, тонкобровая», «Краснел, бледнел», «Язык любви — речь без слов», «О, мое

Гете и Абай

сердце, не бейся теперь», «Унижена моя душа», «Что ты со мною делаешь?», «Вы складно хвалите», «С чеканным, подобно чистому серебру, широким лбом», «На спине заплетенная, с руку толщиной коса», «Джигиты, дорог смех, не шутовство» — стихотворения, в которых Абай полно выразил свое понимание любви, свой идеал женской красоты и предостерег от легкомысленного отношения к прекрасному чувству. У Абая любовь и человеческое достоинство, любовь и свобода, любовь и счастье, любовь и долг, любовь и страсть, подчиняемая рассудку, — понятия тесно связанные, неразрывные, извечно стремящиеся к согласию. Как всегда, обращаясь к молодым («к порывам юные сердца зову»), он учит:

*Ғашықтық, құмарлықпен — ол екі жол.
Любленность и страсть —
это два пути.*

И еще:

Уж если любишь ты, так всей душой!

И еще:

*Твой пыл советую тебе сдержать,
На бабнике — бесчестия печать.*

Или:

*Не увлекайся внешней красотой,
Не поддавайся страстности слепой.*

Или:

*Мгновенно гаснет пламя страстных нег
У тех, кто в смене жен проводит век.*

Таков Абай. И воспевая любовь, он выступает как просветитель, как гуманист, как наставник. Любовно-лирическая и общественно-просветительская линии в его творчестве идут параллельно, нередко смыкаясь, сливаясь, дополняя друг друга.

Таковым было требование времени и социальной среды.

Каков был идеал женской красоты у Гете? История знает женщин, которых он любил. Они много раз описаны, обрисованы, изваяны; они вошли в память и сознание поколений. Известно и признание Гете: «Я сочинял любовные стихи только тогда, когда я любил...» Много стихов было посвящено Гете Фридерике Брион — дочери деревенского пастора. В «Поэзии и правде» читаем: «Я сочинил для Фридерики множество песен на знакомые мотивы. Они составили бы объемистый томик; сохранились из них лишь немногие, и их нетрудно найти сре-

Гете и Абай

ди других моих стихотворений».

В этой же книге Гете описывает Фридерiku: «Стройная и легкая, она двигалась, словно не имея веса, и две толстые белокурые косы, ниспадавшие с изящной головки, казались слишком тяжелыми для ее шейки. Ее блестящие голубые глаза смело смотрели на мир; хорошенький вздернутый носик так живо и мило втягивал воздух, словно не существовало на свете никаких забот».

Простота, наивность, естественность — вот черты женского облика, выделяемые и воспеваемые Гете. Эти же черты отличают и Гретхен из «Фауста». Она красива, проста, искренна, доверчива, скромна и робка, чиста и невинна. Она мечтает о любви, верной до последнего вздоха. Одержимая своим чувством к Фаусту, она, столь стеснительная и, казалось бы, слабая, проявляет себя натурой цельной, страстной и решительной:

*К нему, за ним
Стремится грудь;
К нему прильнуть
И отдохнуть!
Его обнять
И тихо млесть,
И целовать,
И умереть!*

(пер. Н. Холодковского)

Идеал женской красоты у Абая в своей основе традиционно-народен. Внешне — это общеизвестные признаки: черные глаза, чистые, как зеркало, черные тонкие брови, ало-красные щеки, беловатое открытое лицо, нежное белое тело, красивые зубы, черные, толщиной с руку косы на спине, белая шея и т.д. Эти внешние атрибуты женской красоты упоминаются Абаем в разных стихотворениях. Они стали своеобразным эстетическим мериллом в понимании женской красоты в казахской лирике.

*Косы тьмой, тьмой ночной
Над зарей, над рекой.
Лоб широк, взор глубок...
Ты лицо приоткрой!*

*Яркий рот — сладкий мед,
Блеск зубов — словно лед.
Потерял я покой,
Взгляд живой сердце жжет.*

*Гибок стан и высок,
Гнет его ветерок,
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.*

*Ты грустна — даль темна.
Ты ясна — нам весна.
Смех твой — звон соловья,
Вся душа им полна.*

(пер. М. Петровых)

Однако, описывая признаки

женской красоты, Абай считает нужным предостеречь пылких юношей:

*Не обольщайся женщиной красивой —
Узнай, характер у нее какой.*

И еще:

*Опасность женская краса таит,
Доступная для многих волокит.*

И называет те черты характера, которые, по его мнению, украшают женщину: достоинство, понятливость, сдержанность, благонравие, уважительность.

*Той женщине хвалу я воздаю,
Что душу знает наизусть твою,
Внимает каждому биенью сердца
И хочет жизнь тебе отдать свою.*

(пер. А. Гатова)

Покорность, аскетизм, душевная замкнутость, подавленность в женщине Абая не прельщают. Человек живой, естественный, гармоничный в своих помыслах и страстях — вот его идеал. И женщина у Абая, отвечая на пылкое признание влюбленного, говорит о своем затаенном желании, о своем чувстве открыто, с достоинством:

*Көңілің тұрса бізді алып,
Шыныменен қозғалып,
Біз — қырғауыл, сіз — түйгын,
Тояттай бер, кел де алып.
Тал жібектей оралып,*

*Гүл шыбықтай бұралып,
Салмағыңнан жаншылып,
Қалсын құмар бір қанып.*

*Коль душа меня возжелала,
Жаром ко мне воспылала.
Я — куропатка, ты же — ястреб,
Насладись же, подбив меня.
Шелком мягким тебя обовью,
Изгибаясь, как лоза.
Под тяжестью разомлев твоей,
Пусть уголится страсть моя.*

(подстрочный перевод)

Разве в идеалах женской красоты у Гете и Абая не заметна переключка? Разве приведенное выше признание Гретхен из «Фауста» не созвучно абаевскому «Вы складно хвалите»? Впрочем, мне, наверное, не стоит далее распространяться на эту тему, ибо подспудно сознаю, что в раскрытии вечной темы любви нетрудно обнаружить переключку и созвучие не только у Гете и Абая, но и у всех поэтов всех времен и народов.

Отметим, однако, еще здесь, что чувство любви Абай неизменно рассматривал и описывал в нравственном аспекте. На это первым из исследователей его творчества обратил внимание Мухтар Ауэзов. В предисловии к однотомнику сочинений Абая, изданном в 1954 году, Ауэзов писал: «Впервые в казахской

литературе так отчетливо и на такой высоте высказано новое отношение к семье, к родительскому долгу, к воспитанию молодого поколения и, главное, к женщине».

В отношении к женщине в большой степени выражены гуманные идеалы великого казахского поэта.

* * *

Полагаю, в связи с темой предыдущей главы пора вспомнить и «Западно-Восточный диван». Впрочем, здесь уже превалирует тема Востока в творчестве Гете и Абая. И она — огромна. Постараюсь ограничиться некоторыми личными наблюдениями.

Гете и Абая сближает еще одно свойство: знакомясь с разными философскими и этикоморальными учениями разных времен и народов, жадно впитывая в себя всечеловеческие историко-культурные ценности, они брали то, что прежде всего было близко их мировоззрению, их духовному складу, и транспонировали все это на свой лад, то есть, как бы переплавляли в горниле своего мощного творческого духа. Тем, должно быть, они понятны и близки всему человечеству.

Свидетельством тому является «Западно-Восточный диван».

Гете всегда тяготел к культурному и творческому наследию других народов. Это видно из большинства его произведений. Возьмем хотя бы его баллады, не говоря уже о «Фаусте» и многочисленных драмах. Баллада «Бог и Баядера», например, написана на сюжет древнеиндийской легенды; в основе «Лесного царя» — датская баллада; «Фульский король» имеет древнескандинавские корни; «Цыганская песня» — цыганские; «Скорбная песня благородной госпожи, супруги Асан-аги» является обработкой сербскохорватской народной баллады и т. д.

(Тут же вспомним Абая: сюжет его дастана «Искендер» заимствован из древних восточных легенд и Корана; в основе «Масгута» — очевидная переключка с «Восточной легендой» И. С. Тургенева; «Азим» — поэтический пересказ главы из «Тысячи и одной ночи»).

Мусульманский Восток также издавна привлекал внимание Гете. Вспомним «Песню Магомета», опубликованную еще в 1774 году. В те годы работал Гете и над драмой «Магомет», кото-

рая осталась незавершенной.

В 1814 году Гете знакомится с немецким переводом стихотворений персидского поэта XIV века Хафиза — волшебника из Шираза. Его поэзия всколыхнула душу стареющего Гете. Он почувствовал прилив новых сил и вспышку вдохновения. Об этом Гете пишет в своем «Ежегоднике» за 1815 год, называя Хафиза прекрасным, великолепным (*herrliche*) поэтом. В «Ежегоднике» за 1816 год Гете вновь упоминает «Диван» и говорит, что занимался сбором материала. Любопытно признание Гете в «Ежегоднике» за 1817 год: чтобы проникнуться духом Востока, он изучает каллиграфию и, не зная персидского, арабского языков, занимается тщательным воспроизведением восточных письмен. И в зиму 1818 года Гете продолжал прилежно работать над «Диваном», изучая древние персидские религию и обычаи, арабские стихи и грамматику. В «Ежегоднике» за 1820 год Гете пишет, что снова обратился к «Дивану» и дополнил один из ее разделов — «Книгу Рая».

Я говорю об этом несколько подробно, чтобы показать, какое значение придавал Гете

своему «Западно-Восточному дивану», сборнику очень своеобразному, сложному, не сразу принятому и понятному читателем и вызывавшему много споров и толков среди ученых литературоведов и многочисленных комментаторов.

Не буду здесь вдаваться в многомудрые споры и тонкие (а иногда и схоластические) толкования. В данном случае меня интересует с о п р я ж е н н о с т ь творчества Гете и Абая с некоторыми темами и мотивами древнего Востока. Ибо совершенно очевидно, что увлеченность Востоком сблизила Гете и Абая. Вполне логично привели к параллелям и пересечениям мыслей и настроений.

Нетрудно себе представить, что именно так страстно привлекло Гете в поэзии Востока. Поэтическая яркость, чувственность и свобода, высокая духовность, очарованность миром, гармония Духа и Слова, пылкость воображения, жизнелюбие, изысканная поэтическая выразительность, аллегорическое мышление и т. д.

*На Восток отправься дальний
Воздух пить патриархальный,
В край вина, любви и песни,
К новой жизни там воскресни.*

.....
 В мир, где предкам уваженье,
 Где чужое — в небреженье,
 Где просторно вере правой,
 Тесно мудрости лукавой.
 И где слово вечно ново,
 Ибо устным было слово.

(пер. В. Левика)

Так сказано в «Гиджре» — своеобразном зачине «Западно-Восточного дивана», и уже в этих строках чувствуются порыв, взлет духа, юношеский задор и пыл, надежда «возвратиться душой к истокам».

Нетрудно также представить, какое животворящее впечатление произвели на Гете искрящиеся вдохновением, напоенные ароматом вольнолюбивой поэзии и жизнелюбия строки сладкоголосого Хафиза, вроде:

*Песня, брызнуть будь готова —
 вновь, и вновь, и вновь, и снова!
 Чашу пей — в ней снов основа —
 вновь, и вновь, и вновь, и снова!
 Друг, с кумиром ты украдкой посиди
 в беседе сладкой,—
 К поцелуям жду я зова —
 вновь, и вновь, и вновь, и снова!*

(пер. К. Липскерова)

И, вероятно, упиваясь подобными звонкими, искрометными строками, полными очарования звукописью, Гете воскликнул:

*Нет, Гафиз, с тобой сравниться —
 Где уж нам!..*

(пер. В. Левика)

Великие поэты Востока сопровождали Абая всю жизнь. Восторг перед их творчеством он испытал еще в мальчишеские годы, когда учился в медресе. Именно к ним — к Физули, Шамси, Сайхали, Навои, Саади, Фирдоуси, Хафизу — обращается Абай в юношеском стихотворении, прося их помочь ему, поддержать в его стремлениях. Именно их поэзии он подражал, описывая красотку — «Йузи — рәушан, көзі — гәүһар» — с лицом что роза, с глазами — что бриллиант. Именно к их стихотворному размеру и форме рифмовки прибегал он в своих поэтических опытах. Понятно, что Абаю эти поэты были ближе, чем Гете. Ближе не только географически. Он впитал их дух. Он воспитывался на их поэзии. Он читал их в оригинале. Он их понимал и чувствовал «изнутри». И ему не надо было — чтобы проникнуться их духом — воспроизводить каллиграфию — он сам всю жизнь пользовался арабской вязью. И, разумеется, Восток со своей философией, историей, поэзией, культурой сыграл в творчестве Абая более значительную роль, чем у Гете. Тема эта громоздкая, со множеством аспектов и нюансов.

В творчестве Гете и Абая совершенно явственно прослушивается несколько мотивов поэзии Востока.

Один из них, на мой взгляд, убедительно проявился в любовной лирике, в которой особенно много переключек и созвучий. Тема любви в «Западно-Восточном диване» вся пронизана восточной философией, восточным мироощущением, восточной традицией, восточной формой выражения. О том свидетельствуют некоторые примеры, приведенные в предыдущей главке данного очерка. Еще несколько доказательств. В «Книге любви. Ушк-наме» в стихотворении «Образцы» Гете приводит шесть любовных пар из знаменитых произведений Востока — Рустам и Рудаба, Юсуф и Зулейха, Ферхад и Ширин, Меджнун и Лейли, Джемиль и Ботейна, Соломон и Темноликая — и, дав им короткие определения, заключает:

*Тот, кто усвоил урок,
Знает любовь назубок.*

(пер. А. Парина)

И перечисленные Гете любовные пары, и произведения, из которых они взяты, имели широкое распространение в ка-

захской степи в бесчисленных вариациях и пересказах, а Абай отлично знал оригиналы, что видно из всего его творчества.

В «Книге Зулейки. Зулейка-наме» Гете замечает:

*Жить с любимой в любви и согласье —
Рай-и другого не надобно мне.*

(пер. В. Левика)

О рае с любимой писали на все лады едва ли не все поэты Востока. Абдуррахману Джами, о котором Гете говорил, что «удивительная чистота и благозумие — его достояние», принадлежит газель:

*Зачем мне рай в загробной мгле?
Есть радость на земле.
Рай для Джами там,
где тебя он сможет увидеть.*

(пер. Т. Стрешневой)

В той же книге Гете читаем:

*... и мы с тобой — как плоть одна.
Коль друга Солнцем назвала ты,
Приди, обвей меня, Луна!*

(пер. В. Левика)

Эти образы — Солнце и Луна, вечные спутники любви, а также олицетворение мужского и женского начал — не вызывают сомнения в своем восточном происхождении. Можно привести бесконечное число примеров из поэзии Хафиза, Джами,

Гете и Абай

Фирдоуси, в чьих любовных описаниях неизменно присутствуют луна и солнце. Вспомним Хафиза:

*Ты платье расстегни свое,
луна, увенчанная солнцем...*

Или, у него же:

*Ты вспомни о рабе Хафизе,
счастливая луна любви...*

А как только эти образы — Луны и Солнца — не обыгрываются в казахской поэзии! Примеров — тьма!

Явный налет восточной образности заметен и в этих строках Гете:

*Если ты от любимой далек,
Как от Запада Восток,
Для сердца не нужно путей и дорог:
Оно само себе проводник,
Любовь до Багдада домчится вмиг.*

(пер. В. Левика)

Какими только изысканными, витиеватыми именами, пышными определениями, яркими метафорами не награждали поэты Востока своих возлюбленных! Сколько при этом они проявляли находчивости и фантазии! И Гете, пожалуй, не уступает этим чародеям слова, сладкозвучным волшебникам, находя для своей любимой такие слова: «Вселюбимая», «Всеvezдесу-

шая», «Вседивновозросшая», «Вселасковая», «Всерезвая», «Всеразнолика», «Всепестрозвездная», «Всесвязующая», «Вседобрая», «Всесердцеширящая», «Всеучительная» — и включает стихотворение так:

*Аллаху дам ли сто имен нездешних,
Звучит за каждым имя — для тебя.*

Читая любовную лирику из «Западно-Восточного дивана», все время явственно слышишь из глубины веков отголоски бессмертных творений прославленных поэтов Востока. Это же ощущение не покидает тебя, когда вчитываешься в песни и стихи Абая, посвященные любви.

Джами говорит:

*Жизнь без любви — даже не пыль —
пылинка...*

(пер. Х. Исмаилова)

И вспоминается гетевское: «Как пуст, как мертв мир без любви» и абаевское: «Без любви жизнь пуста».

Фирдоуси говорит:

*Того, кем любви позабыта стезя,
Поверь, называть человеком нельзя.*

(пер. Ц. Бану-Лахути)

И тут же слышится абаевское: «А того, кто жил не любя, человеком назвать нельзя».

Гете и Абай

Саади говорит:

*Прекрасно все в любви — несет ли нам
Страдания она или бальзам.*

(пер. В. Державина)

И приходит на память Гете:

*«Сквозь грань любви
мне все навеки мило».*

Фирдоуси говорит:

*О, путь влюбленных —
бесконечный путь!*

(пер. В. Державина)

И слышится Абай:

Путь любви — трудный путь.

Хафиз говорит:

*Красота не у той,
чей строен стан и высок,
.....*

*Но лишь в сердце избранницы —
счастья земного исток.*

(пер. В. Державина)

И вспоминаешь, что то же
имел ввиду Абай, говоря: «Не
обольщайся женщиной краси-
вой, узнай характер у нее какой».

И еще говорит Хафиз:

*Да — я понял: у речи любви —
приметы свои.*

И тут же эхом отзывается
абаевское: «Язык любви — речь
без слов».

Цитировать можно бесконеч-
но, однако, довольно, пожалуй,
примеров.

Слово поэтическое, вдохно-
венное, льющееся из сердца и
завораживающее слушателя,
издавна высоко почиталось на
Востоке. Магическая сила слова
воспевалась всеми великими
поэтами. Вспомним Фирдоуси:

*Что краше,
чем слова пленительный лад?
Восторженно славят его стар и млад.*

Или:

*Поэту гордиться твореньем дано,
Которое разумом озарено.*

Или:

*Поэт, коль стихи лишь плохие создать
Ты в силах — не стоит себя утруждать.*

Еще:

*Лишь слову сберечь твое имя дано.
Что слово: поверь, всемогуще оно.*

(пер. Ц. Бану-Лахуги)

Великое множество схожих
высказываний мы находим и у
Джами, и у Хафиза, и у Саади,
и у Навои. Такое понимание сло-
ва явилось философской, эсте-
тической основой взгляда Абая
на поэзию, на общественную
значимость поэта. Мы убеди-
лись, что такое воззрение было
характерно и для Гете. Не о том
ли он говорит в «Гиджре», устре-
мляясь душой «в мир, где ясным,

мудрым слогом смертный вел беседу с богом»? Не о том ли говорится и в «Фаусте»: «Но сердце к сердцу речь не привлечет, коль не из сердца ваша речь течет»?

И еще один явный восточный элемент просматривается в «Западно-Восточном диване». В нем Гете прибег к древней традиции «назира», то есть к способу раскрытия сюжетов и тем своих предшественников по-своему, по-новому. Гете как бы соперничает с именитыми поэтами Востока в искусстве слова, в владении яркой метафорой, образом, прихотливой метрикой, изысканной рифмой. Тем самым он необычайно обогатил и разнообразил немецкую поэтическую речь. Это особенно относится к звукописи, к ритмике, к образному строю его поэзии. И сказанное тут в полной мере соотносимо и с творчеством Абая.

Многочисленные вариации темы «сердце», сам многозначный образ «сердца» как выражение, как сосуд духовной субстанции, цветистые определения к нему, культ сердца в творчестве Гете и Абая, на мой взгляд, также идут от традиции поэтов Востока. В каких только сочетаниях не встречается это стержневое,

многозначное слово у Гете! Сколько раз обращается к нему Абай в своих стихах и прозе, синонимизируя его с такими понятиями, как искренность, верность, нравственность, любовь, благочестие, душевность, доброта, милосердие. В «Четырнадцатом слове» Абай пишет: «Самое дорогое у человека — это его сердце. У казахов понятия «мужество» и «трусость» родились от слова сердце. В народе батыра называют «журекти», что означает джигит с настоящим сердцем, труса кличут «журексиз», то есть человеком, у которого сердце отсутствует. Все лучшие человеческие качества, такие, как отзывчивость, сострадание человеческому горю и человеколюбие, — рождаются сердцем. Даже торопливость идет от сердца. И не бывает лжи, когда язык послушен сердцу, а если язык лжет, значит, сердце просто-напросто обмануто» (пер. С. Санбаева). В «Семнадцатом слове» Абая вступают в спор Сила, Разум и Сердце, доказывая свои значимость и преимущества. И Сердце говорит: «Я — царь жизни. Я гоню кровь по жилам, во мне обитает душа, потому и нет без меня жизни!»

Вспомним: Гете называл чело-

Гете и Абай

веческое сердце — «самой подвижной, самой изменчивой частью творения».

Все истинное, все настоящее и достойное — от сердца, внушает Абай и в своей поэзии. Эта мысль явственно звучит у Джами:

*Язык-толмач, слова-рабы,
их смело подчинило сердце,
Ту речь, что мы произнесли,
в глубинах породило сердце.
Весь мир и зримое кругом:
земля, небесный оком —
Частица малая того,
что суть свою вместило сердце.
Все проявленья бытия,
твою тоску, любовь твою,
То, что написано пером,—
волнуясь, сотворило сердце.
Оно — разящая стрела,
что луком пущена была,
Рука нам только помогла,
но метко в цель пронзило сердце.*

(пер. Т. Стрешневой)

И еще одним частным и, может, не совсем серьезным наблюдением хотелось бы мне здесь поделиться. Читая Гете, я нет-нет да и натыкался на повторявшееся здесь и там цифровое обозначение «пять». Вот он различает пять разновидностей притчей; вот он делит своих противников на пять групп; первоглаголов (Urworte) у Гете тоже пять. В «Книге размышлений. Тейфкир-наме» встречается сти-

хотворение «Пять свойств». Тут же следует «Пять других».

И Абай не раз оперирует этим числом. Сердце у него обнаруживает пять своих качеств: справедливость, удовлетворение, совесть, благодарность и милосердие. В другом стихотворении он называет пять причин, приводящих казахов к раздорам и распрям: нетерпеливость, бесстыдство, лень, зависть, обжорство. Еще в одном стихотворении Абай учит:

*Бес нәрседен қашық бол,
Бес нәрсеге асық бол,
Адам болам десеңіз...*

*Будь дальше от пяти зол,
Будь ближе к пяти добродетелям,
Коль человеком желаешь стать.*

(подстрочный перевод)

И далее идет перечисление этих пяти свойств — достоинств, к которым следует стремиться, и недостатков, которых следует избегать. Говоря о любви, Абай предупреждает: «Недостойна любовь в пять дней».

Мне подумалось: случайность ли это? Откуда оно идет, это пятеричное обозначение? Не от поэзии ли Востока?

Действительно, в странах Ближнего и Среднего Востока

распространен особый жанр литературы «хамса» — «пятерица». Зачинателем его был Низами. Эти традиции получили развитие в творчестве Амира Хосрова Дехлеви и Абдуррахмана Джамии. Пять поэм (51230 строк) составляют «Хамсу» — «Пятерицу» Навои.

У Джамии читаем:

Пять важных правил в жизни соблюдай...

У Саади читаем:

*Пять раз бей в барабан ты пред собою,
Коль добрая жена дана судьбою!*

(пер. В. Старостина)

У Хафиза читаем:

*Дней на пять шатер ты разбил.
Осмотришь, отдохнувши...*

*Садовник верный!
Если с розой побыть желаешь
пять ночей.*

*С доброй вестью
о друге хоть пять строк принеси мне!*

Все же существует, кажется, определенная связь в подобных примерах. Пристрастие к цифре пять у Гете и Абая объясняется, чудится мне, влиянием поэзии Востока. Приведу стихотворение «Пять свойств» из «Западно-Восточного дивана»:

*Пять свойств не ладят
с другими пятью,
Внимательно заповедь слушай мою:
С Надменностью Дружба
не может сродниться,
От Грубости Вежливость не родится,
Величия мы у Злодейства не ищем,
Скупец не подаст убогим иль нищим,
Для Веры и Верности Ложь не опора,
Все это усвой — и храни от вора.*

(пер. В. Левика)

Само персонифицирование человеческих качеств — свойство восточной поэтики. Например, в книге Юсуфа Хас-Хаджиба Баласагуни «Кутадгу билиг» («Знания, приносящие счастье») — Справедливость, Счастье, Ум, Довольство. В философском этюде Абая («Семнадцатое слово») спорят Сила, Разум, Сердце.

Теперь вернемся к Абаю. Какие же отрицательные качества он советует избегать?

*Өсек, өгірік, мақтаншақ,
Еріншек, бекер мал шашпақ —
Бес дұшпаның білсеңіз.*

*Сплетня, ложь, хвастовство,
Лень, расточительство —
Пять врагов твоих, коль хочешь знать.*
(подстрочный перевод)

А вот пять добродетелей, к которым долженствует, по Абаю, стремиться:

*Талап, еңбек, терең ой,
Қанағат, рақым, ойлап қой —
Бес асыл іс, көнсеңіз.*

*Рвение, труд, глубокомыслие,
Умеренность, милосердие — подумай,
Пять добродетелей, коль ты согласен.
(подстрочный перевод)*

Таково педагогическое, этическое, нравственное кредо Абая, суть житейской мудрости. Теперь прислушаемся к советам Джами:

*Пять важных правил в жизни соблюдай,
И на земле увидишь светлый рай:
В делах мирских не возмущай покой.
Зря не рискуй своею головой,
Здоровье береги, как редкий клад,
Живи в достатке, но не будь богат,
И пусть приходит разделить досуг
К тебе надежный и сердечный друг...
(пер. В. Державина)*

Несложно, думаю, почувствовать созвучность трех поэтов. Думаю также, что «клевета», «ложь», «хвастовство», «лень» и «расточительство», последовательно разоблачаемые в творчестве Абая, вполне переключаются с «самохвальством» («самохвальство — грех немалый»), «тщеславием черни» («тщеславье черни — ощутить, что власть ее — навеки»), «недоумками» («недоумки, полулюди нас везде и жмут и давят»), «глупцами» и «хвастунами», упоминаемые Гете в «Книге недовольства. Рендш-наме».

Впрочем, «восточность» этого

мотива особенно и доказывать не стоит. «Книга размышлений. Тефкир-наме», из которой взято стихотворение «Пять свойств», по определению самого Гете, «посвящена практической морали и жизненной мудрости, согласно восточному обычаю и складу».

«Западно-Восточный диван» — книга самобытная, уникальная. Кладезь восточной мудрости, своеобразно воспринятый и изложенный западным гением. Книга жизнеутверждающей философии и поэзии. Книга-синтез. Книга-загадка. К ней следует возвращаться вновь и вновь. Она полна тайн, как все истинно великое. И разгадывать ее можно, наслаждаясь, размышляя, бесконечно.

* * *

Немало созвучий тем и мотивов можно найти в философской лирике Гете и Абая, в их рассуждениях по морально-нравственным вопросам, в их раздумьях о смысле жизни, о времени, о народе, о будущем, о просвещении и науке, о родном языке и т. д.

Обо всем этом можно и нужно говорить обстоятельно и

конкретно. Удерживает меня от этого лишь боязнь за непомерное разрастание моего очерка-эссе, задуманного в определенных скромных рамках. Надо ведь на чем-то остановиться.

Разве не любопытно выяснить соотношения некоторых общих мотивов в балладах Гете (особенно написанных в период дружбы с Шиллером, в так называемый период «веймарского классицизма») и трех известных нам дастанах Абая?

Разве не представляет интерес, скажем, глубокое, всестороннее изучение влияния поэтов Востока на творчество Гете и Абая? По-моему, в этом направлении целесообразны обстоятельные поиски, с выявлением множества схожих мотивов.

Или, скажем, тема воспитания в творчестве Гете и Абая. Идея воспитания гармонического человека, как известно, постоянно волновала Гете. Он является одним из создателей романа воспитания — «Годы учения Вильгельма Мейстера». В понимании Гете гармонический человек лишен низменных стремлений. К этому же неизменно призывает и Абай, и в своих стихах, и в философских этюдах он глубоко размышляет

о «толық адам» — о нравственном человеке.

На литературу и искусство он смотрел, как просветители-гуманисты XVIII века. Г. Лессинг в «Гамбургской драматургии» подчеркивал, что цель искусства «научить нас, что мы должны делать и чего не делать; ознакомить нас с истинной сущностью добра и зла».

Этой задаче, можно сказать, посвящено все творчество Абая. Доверительно и откровенно, без утайки беседуя со своим народом, он больше всего старался раскрыть ему глаза на истинную сущность добра и зла. Всем своим философским складом ума Абай явственно тяготел к творчеству Гете, то есть тяготел к тому, что именуется царством Гете, духом Гете, к его стихии по зову своей психофизической природы, и ему, казахскому поэту, были очевидно близки духовные искания гетевского Фауста, его стремление к истине, к познанию основы мироздания.

Так мне кажется, и подобные думы волнуют меня с давних пор и, возможно, при случае я обо всем этом еще напишу более обстоятельно. По-моему, это

любопытно, интересно и поучительно.

Гете много работал в жанре максим и рефлексий, коротких записей, наблюдений и размышлений на разные отвлеченные и конкретные темы, в жанре афоризмов, отточенных философских этюдов. Корни этого жанра уходят, вероятно, к античным риторикам, к диалогам Платона, к «Опытам» Мишеля Монтеня, к «Максимумам» Ларошфуко.

Большую дань этому жанру отдал и Абай. Его «Гаклии» — короткие, стилистически отточенные, лапидарные этюды — свод философско-моралистических, общественно-политических, обличительно-сатирических раздумий и высказываний.

Читая «Гаклии» Абая, невольно чувствуешь и угадываешь его созвучность с Гете в думах, волнениях и порывах. Приведу здесь всего несколько примеров:

«А как скудно все вокруг нас, немцев!» — воскликнул как-то Гете в беседе с Эккерманом.

«Я вижу, как в этой суতোлке мой народ мельчает с каждым годом и становится все более безнравственным. Тяжело смотреть на него», — сетует Абай в «Третьем слове».

Вообще, страстно любя свой

народ, чувствуя и осознавая свою кровную причастность к его судьбе, и Гете, и Абай сказали о нем много резких, суровых, беспощадных в своем обвинительном пафосе слов. Диалектически это понятно и объяснимо. Это та самая любовь, которую Лермонтов обозначил словом «странная» — «Люблю Отчизну я, но странною любовью». Странность заключалась в нетерпеливом желании видеть свой народ лучше — благородным, возвышенным, устремленным к высоким целям и идеалам. Никто, так остро как Гете, не подмечал все негативное в немцах, в немецкой среде, в немецком бюргерском и филистерском обществе и не разоблачал это негативное так зло, едко и беспощадно. Чего стоит один образ Мефистофеля — духа отрицания и беспощадного обличителя? А сколько ядовитого сарказма в «Ксениях», написанных Гете совместно с Шиллером, в которых изобличается немецкое убожество в разных своих проявлениях?

Дух отрицания вселился и в Абая. Оглядываясь вокруг, вскрывая и бичуя многочисленные недостатки и уродства, пороки и убожество своего окру-

Гете и Абай

жения, он с болью в сердце вынужден без конца повторять: «жоқ», «жоқ», «жоқ» — нет, нет, нет. Трудно сосчитать, сколько раз в поэзии и прозе Абая звучит это скорбное, отчаянное «жоқ». Нет прилежания, сетует Абай, нет стремления, нет понятия и разума, нет науки, нет сознательного поступка, нет друзей, нет возвышенной страсти, нет чести, совести, нет достойных правителей, даже баев, «как таковых», нет, «настоящих мурз» тоже нет, нет «радеющих за добрые дела» — кругом плохо, кругом — нет, нет, нет. И в отчаянии Абай вопрошает: «Так за кого же болеть на этой земле и кого любить?» («Двадцать второе слово»). А обращаясь к своим соплеменникам, говорит: «Оставим в стороне веру, не будем говорить о том, какой ты мусульманин. Человек ли ты вообще?» («Тридцать четвертое слово»).

Вспомним двестише «Немецкий национальный характер» Гете и Шиллера:

*Нацией стать —
понапрасну надеетесь, глупые немцы,
Начали вы не с того —
станьте сначала людьми.*

(пер. В. Топорова)

Или другое двестише из тех же «Ксений»:

Немцам — стихи?..

*Недоверчивы немцы, пугливы и глухи.
Забарабаньте в окно, —
может, пойдут отпрут.*

(пер. В. Топорова)

Не перекликается ли очевидно эта тема у Гете и Абая? И, сетуя на свой народ, на национальный характер, не указывают ли оба поэта весьма схожие пороки, вызывающие в их чутких сердцах боль и негодование?

Гете в беседе со своим секретарем заметил, что люди, нищие духом, как правило, самомнительны. «Словно добросердечная природа всем, кого она обделила дарами высшего порядка, для возмещения убытка пожаловала чванство и самомнение».

Похожую мысль высказывает Абай в «Сороковом слове».

Гете утверждает: «Для того, чтобы талант мог успешно и быстро развиваться, нация, его породившая, должна быть одухотворенной и склонной к просвещению».

Абай вопрошает: «И что нам предпринять, чтобы стать просвещенным народом?» («Сорок первое слово»).

Рассуждая о трудности и сложности управления народом, Гете замечает: «Немало можно добиться строгостью, многого — любовью, но всего больше — знанием дела и справедливостью, невзирая на лица».

О том же задумывается и Абай, предлагая в «Третьем слове» свой вариант управления казахами, упоая по сути также на знание дела и справедливость. А в «Четвертом слове» заявляет: «К достатку ведет разум и собранность...»

Читая Абая или разные исследования о нем, каждый раз невольно думаешь: какая потеря для нас, потомков, какая досада, что не было у великого казахского поэта своего Эккермана, что не вел он дневник, не оставил подробного жизнеописания, развернутой биографии души, множества пояснений и разъяснений по тому или иному поводу, как это делал Гете! Сколько бы нам мог поведать, сколько нераскрытых и наверняка уж нераскрываемых тайн мог бы открыть этот недюжинный человек, сам себя назвавший «человеком с загадкой»! Гетеведам повезло, им значительно легче и проще, о них, можно сказать, позаботился в значительной сте-

пени сам дальновидный, предусмотрительный, аккуратный и скрупулезный Гете. То, что не успевал делать он сам, профессионально выполняли его секретари под его же руководством. Их у Гете в последние годы жизни было шесть человек. «Некоторые из них, вполне усвоив обиходный слог и почерк писателя, сплошь и рядом изготавляли «собственноручные письма Гете» (Н. Вильмонт).

Конечно, и у Абая были ученики, образованные молодые люди, был Кокбай, был Мурсеит, был Какитай... Но глубокое и верное понимание его творчества, его места и значения в национальной культуре недостаточно широко и объемно определялось и при жизни поэта, и десятилетиями после его смерти. В русскую печать дореволюционного времени об Абае просочилось немного сведений. Литературоведы ограничиваются обычно ссылками на архив Русского географического общества за 1901 год, на заметку краеведа А. Н. Седельникова в книге «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (1903), на некролог памяти поэта, опубликованный Какитаем (1905), на куцые сведе-

ния в «Насихат-Казакия», на прозаические переводы стихов Абая, выполненные С. Сабатаевым и Н. Рамазановым, на некоторые воспоминания. Очень досадно.

В одном месте своих «Максим и рефлексий» Гете выписал мысль Эсхила: «У умных много общего между собой».

Должно быть, мысль понравилась Гете, привлекла его внимание.

На примерах созвучия творчества Гете и Абая мы убеждаемся в истинности этого утверждения.

В великих людях есть некий общий фермент духовности. Он выражается в единстве, в родственности Духа, в страстном, целеустремленном порыве к Истине, к Красоте, к Жизни.

К единой цели, к горным вершинам, должно быть, ведут схожие тропы.

* * *

Постичь, познать, понять, почувствовать многогранное творчество Гете и Абая — задача грандиозная и неисчерпаемая. Читать их нужно не торопясь, вникая в слово, в мысль. Годами. Всю жизнь.

Читать — искусство. Читать — труд.

В книге «Разговоры с Гете» И. -П. Эккермана приводится запись Сорэ, друга гетевского дома: «Засим он (Гете — Г. Б.) сказал несколько шуточных слов о трудности чтения вообще и о самонадеянности некоторых людей, воображающих, что любой философский или научный труд можно читать без соответствующей подготовки, словно первый попавшийся роман.— Эти молодцы,— продолжал он,— даже не подозревают, сколько времени и труда нужно, чтобы научиться читать. Я потратил на это восемьдесят лет, но и сейчас еще не могу похвалиться, что достиг цели».

Так читал блестяще образованный, один из ученнейших людей своего времени Гете.

Так читал — вдумчиво, серьезно, докапываясь до самой сути, весьма целенаправленно — и самоучка Абай. Это прекрасно видно из его философских этюдов «Гаклия», из его чуткого, предельно экономного отношения к слову, из всего его художнического кредо. Неслучайно, встретившись с Дж. Кеннаном, он удивил его, попросив рас-

Гете и Абай

сказать об индукции и дедукции.

Так читать надо и самих Гете и Абая. Только тогда испытываешь причастность к откровениям человеческого духа. Только тогда ощущаешь трепетную радость познания.

Произведения Гете во главе с бессмертным «Фаустом» никак не являются легким чтивом для проглатывания на ходу, для развлечения, для бездумного времяпрепровождения. То же можно сказать и об Абае. В творения этих поэтов следует терпеливо вчитываться, возвращаться к ним вновь и вновь, сопереживая, размышляя о вечных вопросах бытия. Эти титаны обладали даром говорить поэтично и философски о том, что не может не волновать человека со зрячим оком в душе, что не может не трогать каждое новое поколение, невзирая на разный коллективный и индивидуальный опыт познания мира.

Следует помнить и о том, что Гете и Абай обладали могучим даром впитывать в себя, усваивать, перерабатывать и обобщать все, что было достигнуто их предшественниками и современниками. Должно быть, именно это свойство всеобъем-

лющего интеллекта имел ввиду Клопшток, называя Гете «могучим захватчиком». На это же, впрочем указывал и сам Гете, заметивший: «Я обязан моими произведениями отнюдь не одной только собственной мудрости, а тысячам людей и обстоятельств вне меня, давших мне для них материал».

И еще по тому же поводу: «Творчество мое создано существом коллективным, которое носит имя Гете».

Думаю, в подобном мог бы признаться и Абай. Все творчество его свидетельствует об аналогичном свойстве его дара.

И Гете, и Абай — концентрация национальной духовности. Можно — и это точнее и справедливее! — сказать шире: в с е ч е л о в е ч е с к о й духовности.

Впрочем, это свойственно всем великим поэтам.

Гении на то и гении, чтобы прозорливо постигать неведомые нам глубины жизни и говорить о том красиво, возвышенно и емко, доступным языком, тем языком-глаголом, который Абай назвал «сөз патшасы» — «царем-словом».

Они возвышают нас и приобщают к живой жизни, к духу жизни. Внушают нам:

Гете и Абай

*Кто жил, в ничто не обратится!
Повсюду вечность шевелится,
Причастный бытию блажен!
Оно извечно; и законы
Хранят, тверды и благосклонны,
Залоги дивных перемен.*

(Гете)

*Природа смертна, вечен человек,
Он умер или нет — не кончен век.*

(Абай)

Они вселяют надежду и неустанно призывают:

*Не уставай пытливым оком
Следить за зияющим потоком,
К земным избанникам прикни.*

(Гете)

*Ученым сможешь ты стать.
Не унывай, маловер!
Бери с великих пример,
Не говори: «Куда уж мне?!»*

(Абай)

Они — мудрецы и философы — учат:

*Как создает, толпе незримый,
Своею волей мир родимый
И созерцатель и поэт,
Так ты, причастный благодатям,
Высокий дар доверишь братьям,
А лучшей доли смертным — нет!*

(Гете)

*Всем смертным удача и благо нужны,
Но злю от добра отделить мы должны...*

*Добро, справедливость —
вот наши друзья,
Могильный порог с ними перешагнешь.*

(Абай)

Какой напрашивается вывод из моих скромных наблюдений и сопоставлений, изложенных большей частью вольно и фрагментарно в данном эссе?

Вывод делать рано.

Пока очевидно одно. Есть имена, которые олицетворяют целую страну, целый народ. Пр слове Италия в нашем сознании мгновенно вспыхивает Данте. При слове Англия — Шекспир. Со словом Германия неразрывно связано имя Гете, как с Россией — Пушкин.

Все истинно казахское вмещается в звучное — Абай. Это как символ. Знамя народа на разноплеменной планете.

Как конкретна Истина, так и величие великих — конкретно. Конкретность можно выразить словами. «Величие поэта — в том, что он служит своему народу источником вдохновения, укрепляет веру нации в ее созидательные силы, питает ее гордость. Можно сказать, что великий поэт удлиняет жизнь нации. На больших исторических путях народы обращаются к наследию гения, припадают к прозрачному ключу его творчества, пьют из него живую воду и вновь идут дальше и выше».

Гете и Абай

Так писал Константин Александрович Федин в статье «Иоганн Вольфганг Гете».

Здесь все взвешено, емко и точно сформулировано.

Великие созвучны. Они духовные братья. Они часто говорят об общем, всечеловеческом. Перекликаются через века и расстояния.

И потому они понятны и близки разноплеменному люду на земле. Как близки и понятны друг другу Гете и Абай. Как близки и понятны они нам, потомкам, ибо великие поэты прошлого — деятельные участники нашей современной культурной жизни.

Девятилетним ребенком в соответствии со школьной программой учил я наизусть, еще заметно коверкая казахские слова, стихотворение Абая «Зима». Врезался в память «старый сват, белый дед», что «натворил много бед. От дыханья его — стужа, снег и буран».

Шла война. Крохотный аул на берегу Ишима зимой заваливало снегом. Буран неистовствовал неделями. Стены комнаты при аульном медпункте промерзали насквозь. При подслеповатой лампе-семилинейке,

прижимаясь к закопченной, угарной печке, я упорно твердил под монотонное завывание ветра в трубе: «Ақ киімді, денелі, ақ сақалды...» А рядом, баюкая зябнущую мою сестренку, тихо напевала мама: «Röslein, Röslein, Röslein rot, Röslein auf der Heiden», не ведая, что это стихи Гете. «Полевая розочка» уже около двухсот лет стала немецкой народной песней. Причудливо слились и сплелись в голове школьного юнца два образа: зима, мороз — «старый сват, белый дед» и прекрасная роза в чистом поле, которую, «забывши страх», неразумно сорвал юноша.

Странное переплетение.

Абай как-то незаметно вошел в мою душу, чему способствовало, конечно, языковое окружение. В школе изучали Абая. На клубной сцене ставили отрывки из трагедии «Абай». На тоях, вечеринках пели песни Абая. Стихи, изречения, афоризмы Абая неизменно вплетались в речи аульчан.

И где-то вдалеке надоступной, таинственной вершиной манил, притягивал Гете.

С годами они становятся мне все ближе, все родней. Все необходимой.

Гете и Абай

Они всегда под рукой. Читая Гете, непременно думаю об Абае. Читая Абая, ощущаю поблизости Гете. И постоянно удивляюсь и радуюсь. До чего же они близки, созвучны, родственны! Они — олицетворение всего человеческого, прекрасного, возвышенного и благородного.

Известно, что Л. Н. Толстой по-разному относился к Гете, но в дневнике от 2 июня 1863 года он записал: «Читаю Гете, и роятся мысли...» Гете необходимо читать всю жизнь, он возбуждает, активизирует мысль у читателей всех возрастов и, как мне теперь кажется, особенно у читателя зрелого, познавшего жизнь. То же самое можно сказать об Абае. Стихи и философские этюды его знакомы нам с детских лет, они постоянно «на слуху», и все же, перечитывая Абая, ловишь себя на мысли, что та или иная строчка его высветилась вдруг по-иному, по-новому, как-то совершенно неожиданно, ты вчитываешься вновь и вновь, как бы заново открывая его в разные периоды жизни, вчитываешься, задумываешься и... «роются мысли».

*Когда б не солнечным был глаз,
Как солнце мог бы он увидеть,—*

читаем у Гете.

Солнечными были глаза и у Гете, и у Абая.

Гете и Абай...

Вершины поэзии. Великие спутники бытия. Наставники и утешители. Всегда и во всем.

Зрячее око души.

Познание и постижение их творчества — праздник.

1986

Созвучие

«Ночная песнь странника» Гете в переводах Лермонтова и Абая

очерк-эссе

Издревле сладостный союз
Поэтов меж собой связует:
Они жрецы единых муз;
Единый пламень их волнует.
Пушкин

*Созвучие... Оно во всем.
В природе. В музыке. В поэзии. В возвышенных порывах и в благо-
родных страстях. В людских сердцах. В человеческой речи.*

*Существует созвучие духа. Созвучие таланта. Единство разно-
язычия.*

И об этом речь...

...

*... Откуда-то из степей медленно и неотвратимо надвигаются, по-
степенно густея, вечерние сумерки. Там, внизу, по-над Ишимом, над
непроходимым тугаем навис плотный мрак. Аул погружается в ночь.
Вместе с нею приходит и тишина, глухая, вязкая. Но вот уже все
умолкло, тишина становится все звонче и звонче, и уже не плывут, а
застыли тени, и слышно, как у брода Тас-уткель трется о прибреж-
ную гальку и что-то ласковое нашептывает берегу вода.*

*С опушки березового колка, со стороны крайнего дома, нетороп-
ливо поплыла протяжная песня.*

*Қараңғы түнде-е-е тау
қа-а-алғы-ы-ы-ып...*

Голос певца нарастает, ширится, наливается тугой мощью, постепенно, как бы по ступенькам, набирает высоту.

*Темной но-о-о-очью го-о-о-оры,
дремля...*

В каждом слове, в каждом звуке песни — медленная, величавая поступь ночи.

Наверное, и тогда, во времена Абая, великого казахского акына, над аулом в урочище Акшоки вот так же «медлительно и плавно, как тихий ветер Сары-Арки», летела эта спокойно-степенная песня. И люди, отдыхая после изнурительно долгого летнего дня в своих юртах, слушали это творение своего мудрого, знаменитого земляка, совершенно не догадываясь, что слова этой песни пришли в степь из другого, неведомого им мира.

И в самом деле, не чудо разве, что «Ночная песнь странника» Иоганна Вольфганга Гете пленила своим изяществом М. Ю. Лермонтова, и тот, как скажет потом В. Г. Белинский, «грациозно» переложил ее на русский язык? И не чудо ли то, что спустя еще полвека, сын необъятных и загадочных киргиз-кайсацких степей Абай Кунанбаев воссоздаст ее не менее

грациозно на своем, казахском языке?

Странствуя по малым и большим странам, «Ночная песнь странника» долетела однажды «до аула в урочище Акшоки, оттуда до джайляу Тобыкты, до кереев верховий, до уаков, низовий, до племен Каракесек и Куандык, до найманов, населяющих долины Аягуз, горы Тарбагатая и Алтая» (М. Ауэзов, «Путь Абая»)

• • •

Старая истина: величие великого, как и красоту прекрасного, как и все в конечном счете, можно понять, осознать, почувствовать, объяснить только через сравнение.

«... лишь соприкосновение одного языка с другим на почве сравнений,— как одна и та же мысль в разных языках по-разному выражена,— естественным образом останавливает нас на средствах выражения и делает человека внимательным к тонким нюансам мысли и чувства»¹,— говорил академик Л. В. Щерба.

¹ Л. В. Щерба, Избранные работы по русскому языку, М., Учпедгиз, 1957, стр. 53

Созвучие

Конечно же, любопытно проследить, прибегая к сопоставительному лингвистическому анализу, как одна и та же поэтическая мысль трансформируется в переложении на разные языки, особенно если оригинал и его переложения (переводы) принадлежат выдающимся художникам слова. Знаменитая миниатюра Гете, переведенная Лермонтовым и Абаем, является благодатным материалом для подобного лингвистического опыта, суть которого, несомненно, выходит за рамки «чисто» научной сферы.

«Ночная песнь странника» («Wandrer's Nachtlied»), написанная Гете в ночь с 6 на 7 сентября 1780 года карандашом на дощатой стене лесного домика на вершине горного увала Кикельхан близ Ильменау, вот уже два столетия на устах многих поколений разных народов и племен. Есть в этом крохотном стихотворении необъяснимое очарование, колдовская притягательная сила, волновавшая и волнующая читателей, художников, композиторов, ученых-исследователей, литературных комментаторов. Есть что-то возвышенное и гордое в том, что эти бессмертные строки вдохно-

вили Лермонтова и Абая на создание перевода-переложения на своем родном языке, что привело к появлению новых шедевров, ознаменовавших собой как бы духовную переключку поэтического гения трех народов.

*Über allen Gipfeln
Ist Ruh;
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde;
Warte nur, balde
Ruhest du auch.*

Приведу подстрочный перевод, прекрасно сознавая, что он, как всегда, уничтожает всю прелесть стихотворения:

*Над всеми вершинами
(Есть) покой.
В каждой верхушке (макушке дерева)
Чувствуешь ты
едва дуновение.
Птички молчат в лесу.
Подожди только, скоро
Отдохнешь ты тоже.*

Желательно, чтобы гипотетический читатель не скользил бы взглядом по, возможно, непонятному тексту оригинала, а прочел бы его чуть внимательней, вникая в ритмический рисунок и рифмовку.

От лирической миниатюры веет удивительным покоем, блаженством, всеобщей умиротво-

ренностью. Очевидно, что она написана на одном дыхании, вылилась сразу в счастливый миг вдохновения. Ясно также, что «Ночная песнь странника» являла собой новый этап в творческой эволюции И. В. Гете. «Прежний бунтарь стремится теперь к гармонии и покою, что особенно впечатляюще выразилось в прекрасной «Wandrer's Nachtlied», — пишет большой знаток и исследователь творчества Гете А. А. Аникст и далее, подробно останавливаясь на содержании миниатюры, добавляет: «Если основная мысль стихотворения ясна с самого начала, то вдумчивое прочтение его, основанное на знании взглядов поэта, его мировоззрения и духовных исканий, показывает, как много вкладывал Гете в скудные строки своих стихов и какое внимание требуется от читателя, чтобы освоить глубину смысла, скрытого в иных простых строках. Заметим также, что мысль поэта облечена в такую форму, которая возбуждает в читателе определенное настроение. Ритм стихотворения, его мелодический строй навевают то ощущение покоя и гармонии, каким проникнут описанный в стихо-

творении пейзаж. Собственно, он даже не описан, но каждое слово вызывает перед мысленным взором читателя целую картину. Такова магическая сила поэзии Гете, сочетающей мысль, чувство, зрительные впечатления и музыкальность звучания»¹.

Покой и гармония... Синтез мысли, чувства и музыки.

В самом деле, даже не знающий немецкого языка может уловить плавность, звучность, изящество фонетической инструментовки стихотворения. Вслушайтесь в эти зыбкие, мягкие «среднеевропейские «L»: *allen, Gipfeln, Wipfeln, Vögelein, Walde, balde*, в этот глухой, протяжный, как бы усугубляющий мрак ночи звук «U»: *Ruh, du, nur, ruhest*, в таинственно-ласковый «Ü»: *über, spürest*; произнесите слово *Hauch* с мягким придыханием, как и произносится «h» в начале слова, оно прозвучит, как шепот, как шорох, как едва уловимое дуновение и вместе с «sch» («*schweigen*») и «ch» в конце слов — *Hauch, auch* как бы подчеркивает разлившуюся над миром ночную тишь.

¹ Johann Wolfgang Goethe, *Gedichte*, М., Прогресс, 1979, стр. 13—15

Что это? Картина природы, одним мазком набросанная рукой гения? Или изящная миниатюра, навеянная конкретным созерцанием, личным переживанием? Или внешне столь простые, доступные, непритязательные строчки исполнены глубокого абстрактно-философского смысла? Существует множество толкований этого шедевра. Люди, хорошо изучившие жизнь и творчество гениального веймарца, настойчиво ищут в «Ночной песне странника» затаенный, подспудный контекст. Примечательна трактовка, предложенная М. С. Шагинян: «Гете писал «Ночную песнь странника»... думая, может быть, об умершей шесть лет назад сестре Корнелии. Охваченный картиной засыпающей природы, он вдруг почувствовал, что и ему не избежать надвигающейся ночи небытия. Но для того, кто представлял себе жизнь, как непрерывный подвиг труда, смерть показалась отдыхом, свойственным и необходимым человеку, как и природе, — своего рода «выдыхом» после жадных «вдохов» жизни»¹.

Трудно утверждать, что именно такими ощущениями было навеяно маленькое стихотворение Гете, но предположить — можно. Впрочем, сам Гете с некоторой насмешкой относился к тем, кто всюду разыскивает и всюду вкладывает глубокие мысли и идеи. В беседе с Эккерманом он говорил: «Вообще не в моих привычках стремиться к воплощению в поэзии абстрактного понятия. Я всегда воспринимал чувственные, сладостные, пестрые, многообразные впечатления жизни, и мое живое воображение жадно впитывало их. Как поэту мне оставалось только художественно формировать и завершать таковые, стараясь живостью воссоздания добиться того, чтобы они и на других оказали такое же действие»¹.

Конечно, художественное произведение не набор каких-то символов и красиво выраженных абстрактных идей и формул, и как поэт Гете стремился прежде всего передать в живом слове свои созерцания и впечатления. Однако он был слиш-

¹ М. Шагинян, Гете, М.-Л., изд. АН СССР, 1950, стр. 34

¹ И. -П. Эккерман, Разговоры с Гете, М., «Художественная литература», 1981, стр. 534

Созвучие

ком велик, глубок и сложен для того, чтобы его созерцания и впечатления были однозначными. В «Ночной песне странника» дивно воспроизведена картина ночи, и автор сумел заразить читателя ее умиротворенностью и величавостью, все это так, но, думается, в подтексте этой миниатюры явно ощущается нечто большее, философски прочувствованное и опозитизированное, проникновенное и затаенное, что придает ей особое очарование. Ведь притягательная ее сила не только в лаконическом запечатлении природы, уходящей ко сну. И ведь недаром сам Гете слишком хорошо помнил то свое путешествие, которое молодым, только что перешагнувшим тридцатилетие человеком, совершил по зеленым холмам Тюрингии, помнил до мельчайших подробностей ту ночь на вершине Кикельхан, когда он на стене охотничьей избушки, под картиной, изображающей тюрингский пейзаж, начертил эти стихи и, должно быть, совсем не случайно, пятьдесят один год спустя, незадолго до смерти, вновь повторив тот путь в сопровождении своих внуков, детей единственного сына Августа, незадолго до этого

скончавшегося в Италии, престарелый поэт задумчиво шепчет со слезами на глазах две последние проникновенные строчки из «Ночной песни странника». Известный германист, крупный гетевед Н. Н. Вильмонт пишет: «Гете прочитал ее про себя, и слезы потекли по его старческим щекам. «Да! Отдохнешь и ты», — произнес он растроганным голосом. Потом с минуту помолчал, посмотрел в окно на темнеющий лес и сказал спутнику (Эккерману): «А теперь поедем»¹.

А как подробно, с каким жаром и любовью описывает он это свое последнее путешествие по столь памятным местам в письмах друзьям — Цельтеру (4. 9. 1831), графу Рейнгарду (7. 9. 1831), Луизе Адели Шопенгауэр (19. 9. 1831)! Очевидно, «Ночная песнь странника» родилась в пору высокого духовного напряжения, в весьма важный, переломный момент духовных исканий автора.

Гете — поразительно сложная натура, вместившая в себе множество разноречивых и про-

¹ И. -П. Эккерман, Разговоры с Гете, М., «Художественная литература», 1981, стр. 16

тивоборствующих страстей и желаний. Внешняя, вполне благополучная и уважаемая жизнь и внутренняя, обуреваемая неукротимыми порывами духа, неодолимой жаждой деятельности, часто, слишком часто не совпадали. Гений, постоянно стремившийся к гармонии в жизни и в душе, достигал ее лишь в редкие мгновения.

Вспомним жизнь Гете в пору создания миниатюры, о которой идет речь в данном очерке.

Гете в эти годы еще молод, но уже всемирно известный автор «Вертера». Поэт. Кумир. И еще он придворный маленького герцогства; он познает силу власти, занимая пост военного министра и министра общественных работ. Он жаждет великих дел и, уверенный в своих силах, многое берет на себя. Он окружен славой и любовью.

Но это лишь внешняя, видимая сторона его жизни. На самом деле он уже успел познать многоликие беды из ларца Пандоры: и горечь неразделенной любви, и чувство утраты, и разочарование в мечтах и людях, и душевную подавленность, и смутную тревогу, как бы предвосхищающую будущую титаническую борьбу в бесчисленных

деяниях и навевающую глубокую усталость. Мотив этот уже однажды отчетливо прозвучал в небольшом стихотворении, которое также называется «Ночной песнью странника», но написано четырьмя годами раньше. Вот оно:

*Ты, что в горной вышине
Горе ведаешь земное
(И страдающим вдвойне
Облегченье шлешь двойное!),
Я устал от смены вечной,
То восторг, то боль в груди,
Мир сердечный,
О, сойди ко мне, сойди!*

Связь между двумя одноименными стихотворениями Гете видна, так сказать, невооруженным глазом. Она выражается и в схожей конструкции, и, главное, в тональности, в настрое, в страстной мольбе: «Мир сердечный, о, сойди ко мне, сойди!» и в грустном самовнушении, утешении: «Подожди немного, отдохнешь и ты». Разве трудно заметить переключку в строчках «Я устал от смены вечной» и «отдохнешь и ты»?

Вспомним: первая «Ночная песнь странника» написана двадцатисемилетним Гете. Прошло четыре года. Тайный советник Гете прощается с молодостью. Он успел остыть к бывшим своим

Созвучие

любовным увлечениям. Они причинили ему много боли. Происходит отчуждение от друзей. Гете все чаще замыкается в себе. Чувствует одиночество. Признается: «Иногда у меня просто подкашиваются ноги под невыносимой тяжестью креста, который я вынужден нести почти один...» Все чаще мечтает он о возвышенном покое. Любовь к женщинам не принесла желанной гармонии. Моментами в нем возникает предчувствие смерти. Комплекс Вертера тяготит его. Сохранились скульптурные портреты Гете работы ваятеля Клауэра, относящиеся к этому времени. У тридцатилетнего поэта усталое, грустное, изборожденное морщинами лицо. Уголки губ скорбно опущены. Во всем облике — явственные следы душевных мук и страданий.

Таков биографический и нравственный фон, способствовавший и предшествовавший созданию гениальной миниатюры — второй «Ночной песни странника».

Может, именно тогда здесь, в горах, открылся Гете — возможно, и не совсем еще ясно — «конечный вывод мудрости земной», о котором он потом

скажет в основном труде всей своей жизни — «Фаусте». Может, здесь и в ту ночь пришла ему в голову мысль о смысле жизни, о том высшем назначении Человека, когда он может воскликнуть: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» Может, он предчувствовал, какой ему предстоит проделать титанический труд, совершить поистине подвиг труда, что, проделав, это, сам себя утешил: «Подожди немного, отдохнешь и ты...»

Может... может...

• • •

Широко известные слова о переводчике-сопернике в стихах явственно отразились в переводах этой миниатюры, выполненных Лермонтовым и Абаем. Это даже и не перевод в обычном понимании, а соревнование на равных между большими поэтами, переложение, точнее, духовное созвучие.

Созвучие талантов. Единство разноязычия.

Всем с детства памятны лермонтовские строки:

*Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;*

*Warte nur, balde
Ruhest du auch...*

*Подожди немного,
Отдохнешь и ты...*

*Тыншығарсың сен-дағы
Сабыр қалсаң азырақ...*

*Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.*

«Какое тихое, успокоительное чувство ночи после знойного дня веет в этой маленькой пьесе Гете, так грациозно переданной нашим поэтом», — восхищался Белинский.

Здесь, пожалуй, будет уместно сделать небольшое отступление и привести ради любопытства еще три перевода гетевской миниатюры, которые могут послужить реальным поводом для сравнительного лингвистического толкования.

Перевод В. Брюсова:

*На всех вершинах
Покой,
В листьях, в долинах
Ни одной
Не дрогнет черты;
Птицы молчат в молчании бора.
Подожди только: скоро
Уснешь и ты.*

Перевод И. Анненского:

*Над высью горной
Тишь.
В листьях, уж черной,
Не ощутишь
Ни дуновенья.
В чаще затих полет.
О, подожди! Мгновенье —
Тишь и тебя... возьмет.*

Перевод Ю. Александрова:

*На высях горных
Покой.
Чуть слышен листьев шорох
В глуши лесной.
Ни пеня в ней, ни суеты...
И сам под этой сенью
К отдохновенью
Все ближе ты.*

Думаю, первый невольный вывод из сравнительного чтения: а все-таки поэтический оригинал и его переводы находятся в довольно сложном взаимоотношении, не правда ли?... Вспоминается реплика Л. Н. Толстого: «Конечно, перевод — не более как изнанка ковра», перифраз сервантесского Дон Кихота: «... это все равно, что фламандский ковер с изнанки».

Доверим, однако, сравнение этих переводов любознательному читателю и остановимся более обстоятельно на лермонтовском переложении.

Итак, идеальной точности, буквального совпадения, как видно, нет. Это заметно даже без подробного лингвистического анализа. Лермонтов взял у Гете «только» тему, идею, суть миниатюры и выразил все это по-своему, транспонируя дух гетевского стихотворения на свой, лермонтовский, ключ.

Здесь, уж коли речь зашла о теме гетевской миниатюры, нелишне, вероятно, напомнить читателю, что существует мнение, будто тема «Ночной песни странника» поставлена еще древним греческим поэтом Алкманом (VII век до новой эры). Я. Голосовкер, составитель и комментатор сборника «Лирика Древней Эллады» (АКАДЕМИА, 1935, М.-Л.), подчеркивает эволюцию темы: Алкман — Гете — Лермонтов и приводит в примечаниях к сборнику (стр. 186) мелос Алкмана в переводе Вересаева:

*Спят вершины высокие гор
и бездн провалы,
Спят утесы и ущелья,
Змеи, сколько их черная
всех земля ни кормит,
Густые рои пчел, звери гор высоких
И чудища в багровой глубине морской.
Сладко спит и племя
Быстролетающих птиц.*

Не говорит ли это все о том же — о родственной близости поэтических муз?

Впрочем, не будем отклоняться от основной темы нашего очерка.

Так, близость поставленной темы у Гете и Лермонтова более очевидна, конкретна и убедительна, чем у Алкмана и Гете, хотя в лексическом отноше-

нии разница между гетевским оригиналом и переводом Лермонтова довольно существенна. Лермонтов ввел не только, например, отдельные определения к отдельным словам, но и совершенно «новые» слова, образы, обороты, вовсе отсутствующие в оригинале. Он перевел не слова, а стиль, интонацию, музыку стихотворения. «Горные вершины» звучат как исконно русское оригинальное стихотворение, а не как переводное, чужеродное. Возможно, потому Лермонтов и не перевел его названия «Wanderer's Nachtlied», а просто назвал «Из Гете». Под таким названием стихотворение и появилось впервые в 1840 году в № 7 «Отечественных записок».

В смысле абсолютной точности совпадают только седьмой и восьмой стих («Warte nur, balde ruhest du auch» — «Подожди немного, отдохнешь и ты»), более или менее близки первый и второй стихи. Что касается третьего, четвертого, пятого и шестого стихов, то у Гете они звучат по-другому.

В первых двух строчках Гете подчеркивает исключительную тишину («Над всеми вершинами покой, тишина»). У Лермонтова она воссоздается в пятой и шес-

той строках. Для этого он вводит новые детали:

*Не пылит дорога,
Не дрожат листья...*

Говоря о всеобщей тишине, Гете дальше детализирует: «Птички молчат в лесу». Но несмотря на всеобщий покой, у Гете все же «в каждой верхушке чувствуешь ты еле слышное дуновение». У Лермонтова же абсолютная тишина: вершины спят, дорога не пылит, листья не дрожат. Если бы стихотворение не называлось «Ночной песнью», то изображенное в стихотворении можно было бы отнести, например, и к раннему утру. Лермонтов конкретен. Конкретность вообще свойственна природе русского языка. Переложение Лермонтова нельзя назвать «Утро», «Летнее утро», «Раннее утро» или еще как-нибудь в этом роде. Он изобразил ночь, именно — ночь, исключительно — ночь. Тишина у него ночная, а не вообще тишина, и вершины спят «во тьме ночной». У Гете просто вершины, всякие, вообще вершины, у Лермонтова они «горные», что опять-таки конкретней. Лермонтов расширяет картину ночи, как бы раздвигая ее горизонты, вводит тихие долины (сугубо

русский образ), подчеркивает пейзаж ночи деталями «свежая мгла», «ночная тьма».

Навеянное в определенной степени абстрактно-философским мировосприятием стихотворение Гете у Лермонтова заметно конкретизировано, оживлено наглядными деталями, цветовой окраской, и потому картина ночи в «Горных вершинах» стала как бы более осязаемой, осязаемой, зримой.

* * *

Муза Пушкина и Лермонтова была особенно близка и понятна Абаю.

«Пушкин и Лермонтов... Оба они прошли свой жизненный путь вдаль от степей, где жили его деды, и кончили жизнь в неведомых даях, чуждые и неизвестные казахам. Но за эту зиму оба стали так близки Абаю... Явились из другого мира, изъяснились на другом языке, — а отнеслись к нему приветливо, как родные. Двойники его в огорчениях и грусти, они, разгадав его душу, как бы говорили ему: «И ты своими мыслями подобен нам!»

Эти строки — из эпопеи Мухтара Ауэзова «Путь Абая». В

Созвучие

словах этих тот же всеобъемлющий мотив. Мотив созвучия. Созвучия духа. Единство разноязычия.

В 90-е годы прошлого века Абай увлеченно переводит Лермонтова. «Исповедь», «Еврейская мелодия», «Не верь себе», «Выхожу один я на дорогу», «Кинжал», «Утес», «Дума», «И скучно, и грустно», «Молитва», «Дары Терека» и другие произведения великого русского поэта переведены Абаем блестяще, с подлинным поэтическим жаром, с проникновением в содержание и форму. Дух и своеобразие лермонтовской музыки были чутко уловлены зрелым Абаем.

В те годы перевел он и «Горные вершины»... Вот так звучит абаевский перевод:

*Қараңғы түнде тау қалғып,
Ұйқыға кетер балбырап.
Даланы жым-жырт дел-сал қып,
Түн басады салбырып.*

*Шаң шығармас жол дағы,
Сыбдырламас жапырақ.
Тыныштың сен дағы
Сабыр қылсаң азырақ.*

Как тонко, проникновенно поняли друг друга великие поэты!
Перевод Абая удивительно

близок лермонтовскому тексту. А разница любопытна.

Для русского читателя я приведу обратный подстрочный перевод:

*Темной ночью горы, дремля,
Уходят в сон, разнежившись (разомлев).
Степь тихую разморив (обессиливая),
Накрывает ночь, нависая.
Не пылит и дорога,
Не шелестят (не шепчутся) листья.
Отдохнешь и ты,
Если проявишь немного спокойствия.*

С детских лет помню, как и всякий казах, наизусть эти стихи. Написав их так, как они пелись в том ауле, где я вырос, я заглянул на всякий случай в один из последних сборников Абая и удивился: вместо «сыбдырламас жапырақ» стоит «сілкіне алмас жапырақ» то есть, вместо «Не шелестят листья» — «не вздрагивают листья». Принципиальной разницы в том нет, и потому я оставил строку так, как знаю ее с детства. Увы, текстологически Абай изучен далеко не образцово, и канонического издания его до сих пор нет.

Итак, об абаевском переводе. У Лермонтова уже ночь, глубокая ночь, у Абая же ночь только наступает: горы, дремля, только-только погружаются в

сон; над степью, нависая, опускается ночь. В первом четверостишии у Лермонтова только один глагол («вершины спят»), у Абая, кроме глаголов «уходят» («кетер»), «наступает» («түн басады»), есть еще деепричастия «разнежившись», «разомлев» («балбырап»), дремля («қалғып»), да и «дел-сал қып» тоже глагольная форма. Таким обилием глаголов и глагольных форм Абай показал наступление, движение ночи. Плавность, широкая, величавая поступь ночи, покой и тишина, простор чувствуются в стихотворении Абая. Мы не только видим ночь, картину ночи, как у Гете и Лермонтова, мы видим и чувствуем, как наступает эта ночь. Застывшая, статистическая картина ночи в стихотворении Гете, заметно раздвинутая, оживленная, конкретизированная в переложении Лермонтова, стала в переводе Абая значительно динамичней.

В приведенной выше цитате из Белинского говорится о «тихом, успокоительном чувстве ночи после знойного дня». Ни из стихотворения Гете, ни из переложения Лермонтова нельзя сделать категорического вывода, что ночь, нарисованная ими,—

это ночь после знойного дня. Абай был знаком со статьей Белинского «Стихотворения М. Лермонтова» и, видимо, перевод «Горных вершин» был сделан уже после ее прочтения. Введенные Абаем новые слова «разомлев», «дремля», «разморенно-обессиленно» дают ощущение ночи именно после знойного дня.

Можно еще отметить, что лермонтовские «долины» Абай заменил «степью». И заменил, конечно, сознательно. Долина по-казахски аңғар, алап, алқап. Если же Абай вместо «даланы» написал бы «аңғарды», «алапты» или «алқапты», в ритме, размере, стиха ничего бы не изменилось: все эти слова в исходной форме двухсложны и созвучны. Другой поэт наверняка так бы и сделал, стараясь быть точнее, ближе к тексту. Могу здесь опять-таки интереса ради — привести для владеющих казахским языком перевод «Горных вершин», выполненный Музафаром Алибаевым:

*Мақпалдай қара түндерде
Маужырап таулар мүлгиді.
Тым-тырыс, бей-жай қыр-белде
Қоңыржай мұнар сырғиды.
Бұрқ етпес шаң да жолдағы,
Желпінбес жасыл шалғын да.*

*Аялдай түрсаң болганы,
Тыныстар күнің алдыңда.*

При переводе М. Алимбаев также руководствовался не оригиналом, а переложением Лермонтова.

Абай же по-своему осмыслил лермонтовский образ. Описывая ночь по Лермонтову, он видел, чувствовал поэзию «казахской ночи, ночи казахской степи».

В переводе Абая «Горные вершины» прекрасно зазвучали по-казахски, сохранив нити духовной близости с гетевским оригиналом.

• • •

Поразительная духовная связь великих поэтов существует реально и проявляется всюду. Я это как-то неожиданно и остро почувствовал однажды, прохаживаясь по тихим, задумчивым залам Государственного музея литературы имени Алишера Навои в Ташкенте. Затаив дыхание, разглядывал я древние книги и рукописи. Их было много, больших и малых, изящных и громоздких, потемневших от времени, от пыли веков, но сохранивших краски, искусство, не повторимое мастерство и терпе-

ние известных и неизвестных художников, оформителей, каллиграфов. Сколько труда, любви и вкуса вкладывали переписчики бесценных рукописей, поэтических сборников-диванов! Причудливый восточный орнамент, выполненный на коже холодным тиснением. Изящные рисунки, густо расположенные вокруг четырех-шести строк на одной странице, покрытой золотым крапом. Тонкие, переплетающиеся линии, ажурная вязь, с величайшей добросовестностью выведенные жидким червонным золотом. Изумительные по красоте, нетленные, невыцветающие заставки... Как красиво, одухотворенно! Можно понять Гете, который в пору увлечения поэзией Востока старательно и влюбленно копировал таинственную, как магические знаки, восточную вязь. Как бы погружаясь в старину, попадая в древний Восток — многокрасочный, бурный и яростный, созерцательный и мудрый, пестрый и шумный, я с благоговением шептал сладкозвучные имена: Навои, Хафиз, Саади, Фирдоуси, Низами, Джами, Физули. И вспомнил: ведь когда-то юный Абай, вернувшись из Семипалатинского медресе, нашептывал, точно исцеляющую

молитву, эти имена на ухо любимой бабушке Зере. И я обрадовался, увидев в одном из залов в ряду великих поэтов Востока и Абая.

А ведь когда-то, еще раньше, великий Гете, впервые соприкоснувшись с семью прославленными «царями поэтов», с такой же дрожью в сердце произносил — должно быть, на свой, немецкий, лад, с ударением на первый слог, — эти дивные имена. Почитайте или хотя бы полистайте его «Западно-Восточный диван» и вы убедитесь в этом. Привлеку внимание читателей к тому, что в числе семи «царей поэтов» Гете называет Фирдоуси, Энвери, Руми, Хафиза, Джами, Низами, Саади. В известном юношеском стихотворении-пожелании Абая также упоминается семеро поэтов — Физули, Сайхали, Навои, Саади, Фирдоуси, Хафиз.

Да-а... Восток с его поэзией, философией, колоритным бытом, яркой чувственностью в восприятии мира всегда притягивал Запад. И лучшие умы Запада неизменно стремились к сближению культур, к наведению мостов. И одним из этих гениев был Иоганн Вольфганг Гете. Это он, плененный по-

эзией Востока, восклицал об одинаковой божественности Востока и Запада:

*Богом создан был Восток,
Запад также создал бог!*

А много десятилетий спустя эту же идею со свойственными ему страстностью и решительностью выскажет наш современник Олжас Сулейменов:

*Нет Востока,
И запада нет,
Нет у неба конца.
Нет Востока,
И Запада нет —
Два сына есть у отца.
Нет Востока,
И Запада нет,
Есть
Восход и закат,
Есть большое слово —
ЗЕМЛЯ.*

Неразрывна связь времен, и большие поэты всегда созвучны и родственны духом, ибо их объединяет и роднит Поэзия — поистине божественная тайна, божественное чудо.

* * *

Абай не только перевел «Ночную песнь странника» на казахский язык, но и сочинил к ней музыку, тягучую, широко-распевную, величавую, и вряд ли

Созвучие

можно найти казаха, который не знал бы мудрой, степенно-мелодичной песни «Темной ночью горы, дремля...»

В 1958 году в Джамбулской области, в Байкадаме, где тогда учительствовал, я как-то рассказал обо всем этом старому педагогу Э. И. Шуллеру, и тот вдруг рокочущим низким басом затянул: «Über allen Gipfeln...» Мне до сих пор неведомо, кому принадлежит музыка, написанная на слова Гете. Может, композитору Цельтеру, другу поэта? Меня поразило то, что начало музыки к немецким словам удивительно созвучно абаевской мелодии. Та же тональность, та же медленная, глухая постепенно нарастающая распевность. Откуда такое созвучие? Как возникла эта начальная непостижимая схожесть? Может, и тут сказалась таинственная родственность муз?

Не знаю...

Но одно бесспорно — нечто магически общечеловеческое в этой распевной мелодии Абая. Не потому ли ее так охотно поют казахи, оказываясь в кругу своих друзей-европейцев? Не потому ли они тоже улавливают в абаевской песне нечто близкое, родствен-

ное? Вот Абдижамил Нурпеисов вспоминает: «Было это в Париже накануне рождественских праздников. После какого-то молодежного концерта повели меня в дом художавого бородастого композитора. Народу собралось немало, и после легкого угощения мы начали петь и пели охотно и долго, пели в одиночку и все вместе. Обстановка была удивительно теплая, дружеская, настроение — приподнятое, и меня, по природе замкнутого, охватила вдруг приятная легкость, и я тоже подпевал, подтягивал, как мог, потом, отважившись, спел песню Абая «Темной ночью горы дремлют», сложенную на стихи Гете и переведенные им же, Абаем, на казахский язык. «Неужели это сочинил казах? — удивился кто-то из гостей. — А мелодия вроде европейская...» Я улыбнулся, вспомнив поразительный, выпавший на долю известного стихотворения...»¹

¹ «Созвучие», Алма-Ата, «Жалын», 1982, стр. 5

* * *

Созвучие... Оно во всем. В природе. В музыке. В поэзии. В возвышенных порывах и в благородных страстях. В людских сердцах. В человеческой речи.

Сказано поэтом:

*Есть сила благодатная
В созвучье слов живых.*

(Лермонтов)

Существует созвучие духа. Созвучие таланта. Единство разноязычия.

И об этом речь...

Вот, скажем, Гете и Абай. Внимательного, со зрячей душой читателя не может не волновать определенная близость этих двух великанов человеческого духа. И даже в разной тональности их мировосприятия и миропонимания невольно мерещится некое родство, некое созвучие, достойные серьезного изучения и разговора. Вчитывайтесь в поэзию Гете и Абая, читайте вдумчиво максимы великого германца и гаклии великого степняка — сколько созвучия, сколько переключек мыслей и чувств, сколько взаимопонимания и душевной близости! Эта родственная близость

двух гениев очевидно проследживается и в настойчивых поисках гармонической целостности через искусство, через Слово, способное успокоить, утишить душевную смуту, и в недовольстве убогой действительностью, ничтожеством среды — германской или казахской, и в желании преодолеть это убожество путем эстетического, культурного, просветительского воспитания, в ощущении значимости своей личности, своей роли, в горьком сознании своего одиночества. Поэты отлично знали себе цену. Гете пишет в дневнике: «Но, к сожалению, я чувствую свои тридцать лет и свое мировое значение!» Дальнейшая жизнь и деяния его доказали, что он имел право на такое признание. Абай роняет в одном стихотворении: «Не проста, джигиты, суть моя». И он, как мы знаем, не преувеличивал, говоря о своей сути, о своей тайне, о своей загадочности.

Они, Гете и Абай, были выразителями своей эпохи. Они олицетворяют дух Времени. И этим, думается, объясняется их родство.

• •

Велики притягательность и обаяние песни Абая «Темной ночью горы, дремля...» Ее поют и поныне повсеместно, и в одиночку, и хором, на пиру, в часы отдыха, на сцене художественной самодеятельности и Оперного театра, и неизменно волнуется, завораживает она разноязыких потомков, удивляет, сближает людей — детей разных народов. Иногда самым неожиданным образом.

В 1970 году в Алма-Ате гостили литераторы из ГДР, и в один из ясных, солнечных дней казахские друзья и коллеги повезли их в горы, и там в густой прохладной тени тянь-шаньских елей, у подножья холма со звонкой горной речкой известная казахская поэтесса Турсынхан Абдрахманова неожиданно для всех во весь свой сильный и красивый голос запела «Қараңғы түнде тау қалғып...» Гостя из ГДР, писательница Рут Крафт, вначале подумала, что Турсынхан поет свои стихи, но узнав, что она пела, пришла в восторг. «Как? Гете?! Здесь, в Казахстане, в горах Алатау!» — воскликнула она, и ей в этот миг почудилось в глазах певицы от-

ражение зеленых и пышных холмов Тюрингии. И еще поразительным ей казалось, что гетевские стихи, переведенные и положенные на музыку Абаем, так естественно и привычно, словно у себя дома, звучат в горах близ казахской столицы. Об этом, о своих впечатлениях и чувствах Рут Крафт написала позже лирический очерк, озаглавленный «Друзья у Алатау» и опубликованный в «Ное Дойче Литератур» (1970, № 8).

Подобных фактов немало. Они, эти факты, а также собственные какие-то наблюдения и переживания, навеянные миниатюрой Гете и ее переводами на русский и казахский языки, дали мне повод написать небольшой рассказ, в котором вымышленный мною герой, капитан Ержанов, в первый послевоенный год по воле моей фантазии совершает прогулку на Кикельхан, чтобы осуществить юношескую мечту — поклониться гетевским местам. Я живо представил, как молодой филолог-казах, за четыре года войны счастливо сохранивший восторженную восприимчивость и пылкость натуры, после прогулки, приятно взволнованный, стоит в одиночестве на зеленом увале и

неожиданно для самого себя,
низко и тягуче, поет:

*Темной ночью горы, дремля,
Уходят в сон, разнежившись...*

«Он пел восторженно, радуясь тому, что жив, молод и полон сил. Над застывшими лесами Тюрингии и холмами близ Ильменау, помнившими Гете, поплыли — аллах свидетель, наверняка впервые — слова и музыка Абая, и это было прекрасно и возвышенно. Казалось, упоительная ночь казахской степи на широких крыльях опустилась вдруг на склоны немецкой горы, и все вокруг жадно и благоговейно внимало гортанным звукам неведомого языка народа из безбрежных просторов Моргенланда — Утренней страны. В эту ночь, легко преодолев непостижимое пространство, прилетела смуглолицая муза Абая на свидание с духом Гете, и Ержанов чувствовал себя невольным и единственным свидетелем этого события.

Песня гетевского странника, вобрав в себе ковыльно-попынный аромат раздольных степей, облачившись в величаво протяжные звуки, пришла сюда, на холмы Ильменау, чтобы отдать пол-

ный достоинства салем, который Восток посылал Западу.

Плыла-парила над Тюрингией песня Абая на его родном языке. И Ержанов испытывал сейчас необъяснимую гордость за Абая, за его слова, за свой народ, за эту задушевную песню, которую, как ему казалось, он пел впервые в своей жизни так широко и проникновенно. Салем тебе, Гете! Салем тебе, великий поэт, от нашего великого Абая!...»

Но тогда, когда я писал этот рассказ, придумав капитана Ержанова, я и не догадывался о том, что мне вовсе не надо было выдумывать героя, что жизнь, как давно замечено, богаче вымысла художника, и что реальный прототип моего Ержанова находился в буквальном смысле под боком, на расстоянии одной троллейбусной остановки, и я с ним годами встречаюсь едва ли не ежедневно, и зовут его Калмухан Исабаев — мой старший товарищ и коллега по перу.

И тут я должен поведать о том, как окрестности Ильменау, прочно связанные с памятью великого веймарца, как творчество Гете и — особенно — его «Ночная песнь странника» причудливо и счастливо сплелись

с судьбой казахского писателя Калмухана Исабаева.

Случилось так, что в 1949—55 годах молодой советский офицер Калмухан Исабаев нес службу по охране мира на территории ГДР. Он стал другом строителей нового немецкого демократического общества, другом тех, кого потом в ГДР называют «активистами первого часа». А Ильмену с его удивительной историей особенно и издавна волновал и привлекал его. Здесь К. Исабаев глубже познал жизнь, обрел много друзей и как бы душою прикоснулся к живой реальности, одухотворенной гением бессмертного Гете. Калмухан нередко ходил по окрестностям тихого, уютного городка, поднимался на вершины Габельбах и Кикельхан, подолгу любовался историческим охотничьим домиком и зарисовал его.

Позже Калмухан вспомнил: «Когда я поднялся на второй этаж охотничьего дома Гете, передо мной простиралась вечерняя Тюрингия, и я не удержался — спел песню Абая, в которой он в одном из уголков земли обессмертил строки Гете».

Возможно, именно тот благодатный край, воспетый еще Гете, и бережливая память наро-

да о Поэте разбудила в молодом офицере-казахе писательский дар. Как бы там ни было, многие сюжеты, характеры и идеи его будущих произведений рождены опытом войны и впечатлениями от пребывания в Ильменау.

Демобилизовавшись и приехав в Алма-Ату, Калмухан Исабаев с головой окунулся в житейские заботы, учился, работал, писал свои рассказы и повести, но неизменно вспоминались ему поллюбившиеся далекие места в небольшом округе Зуль, вспоминались ему верные друзья, а чаще всего — тропа по зеленым холмам к знакомому охотничьему домику, та самая тропа, по которой некогда хаживал Гете и в молодости, и в преклонном возрасте. И еще с волнением вспоминалось, как взобравшись на вершину холма, молодой офицер с тоскою представил далекий родной край — красочный Баянаул — и помимо воли запел тогда во весь голос напев Абая — «Темной ночью, горы, дремля...» Тогда-то и зародилась мечта вновь приехать туда, где прошли памятные годы, и увековечить когда-нибудь на Габельбахе волнующие строки Абая.

Мечта эта осуществилась через двадцать пять лет — в июле 1979 года.

Получив приглашение Союза писателей ГДР, К. Исабаев сразу решил, что поедет прежде всего в Зульский округ, в Ильменау, поднимется непременно на вершину Габельбаха и повезет с собой в дар местному музею Гете мраморную плиту, на которой выбит текст «Ночной песни странника» в переводе Абая, а также магнитофонную запись песни в исполнении известного певца Магавьи Кошкинбаева в его собственном аккомпанементе на домбре.

Встреча с немецкими друзьями после двадцатипятилетней разлуки глубоко взволновала казахского писателя. Все ему в том краю было знакомо и одновременно ново. А подлинным апогеем его нового свидания с окрестностями Ильменау был торжественный митинг, организованный 22 июля 1979 года в его честь в зале заседания гетевского музея в Габельбахе. В присутствии партийного руководства округа и района, известных ученых, деятелей и представителей общественности после горячих приветствий, речей и концерта в музее была

установлена мемориальная доска с абаевским текстом «Ночной песни странника». Сверху текста на фоне силуэта Алатау была выбита надпись: «Гете. Вандрерс Нахтлид. 1780.— Лермонтов. Горные вершины. 1840.— Абай. Түнгі тау. 1892». Собравшиеся с большим вниманием и интересом выслушали распевную мелодию Абая, улавливая в проникновенном бархатном баритоне певца созвучный гетевскому ночному страннику душевный настрой.

Отныне 60—70 тысяч людей — такова средняя посещаемость музея Гете в Габельбахе в год — покидают древнюю обитель великого поэта под раздумчивый напев Абая — «Темной ночью горы, дремля...»

Тогда же было замечено, что это первый случай, когда гетевское творение, переведенное на тюркский язык, вернулось к своему месту рождения. А первым секретарем Ильменауского районного комитета СЕПГ товарищем Хайнцем Кохом был дан банкет в честь Абая. Банкет в том же зале знаменитого ресторана, в котором 26 августа 1831 года Гете, специально приехав из Веймара, отметил свой последний день рождения.

Счастливым и помолодевшим вернулся из ГДР Калмухан Исабаев. Торжественный акт по поводу установления казахским прозаиком мемориальной доски в музее Гете получил широкое освещение в печати ГДР и СССР. Живо рассказал об этой своей поездке и о том памятном событии и сам автор. А сколько писем, восторженных откликов было получено писателем от граждан ГДР после того знаменательного акта на Габельбахе!

Менее чем через год, в мае 1980 года по случаю 35-летия освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма Калмухан Исабаев был вновь приглашен в ГДР. И опять он был почетным гостем Зульского округа, и вновь он посетил тот благословенный край земли — «зеленое сердце Тюрингии». И на этот раз писатель отправился в музей Гете не с пустыми руками: привез выполненный им самим портрет Абая Кунанбаева с нотной записью его напева «Темной ночью горы, дремля...» и домбру с надписью на русском и немецком языках под небьющимся стеклом: «Первый в Азии переводчик Гете — поэт и композитор Абай на таком музы-

кальном инструменте сочинил музыку к «Ночной песне странника». 6 мая 1980 года этот дар был вручен писателем окружному отделению Культурбунда, о чем на следующий день сообщила газета «Фрайес Ворт».

Знаменательный этот случай натолкнул земляков Абая на мысль установить памятник бессмертной песне. И вот летом 1983 года «исключительно по требованию населения», как отмечала местная печать, такой памятник был установлен в центре Абаевского района Семипалатинской области Казахской ССР — в городе Карауле. На барельефе — портреты великих поэтов — Гете, Лермонтова, Абая и полный текст «Вандрерс Нахтлид» на немецком, русском, казахском языках. Место это названо «Аллеей поэтов».

На торжества по случаю 40-летия Дня освобождения партийное руководство Зульского округа вновь пригласило Калмухана Исабаева в ГДР. На этот раз он подарил Веймарскому гетевскому музею собственноручно изготовленный оригинальный планшет «Казахские переводчики Гете». Планшет богат информацией: портрет Абая работы Калмухана, фотокопия

Созвучие

из рукописи Мурсеита, нотная запись «Ночной песни странника», фотокопия постановления Исполкома городского Совета народных депутатов г. Семипалатинска о переименовании улицы Гражданской в улицу имени Иоганна Вольфганга Гете, фотография обложки «Избранной лирики» Гете на казахском языке, фотография барельефа в г. Карауле, фотокопия страницы из «Фауста» в казахском издании, портреты основных переводчиков Гете на казахский язык — К. Бекхожина, К. Шангитбаева, С. Иманасова, М. Курманова, А. Егеубаева с перечислением названий переведенных ими стихов Гете на немецком и казахском языках.

Благодаря энтузиазму и стараниям неутомимого К. Исабаева улицам в городах Семипалатинске, Целинограде и Абае присвоено имя Гете.

Рассказанное мною — одна лишь деталь из обширной истории культурных связей народов, маленький, но примечательный факт, нашедший добрый отзвук в сердцах людей. Факт, характеризующий созвучие духа. Единство разноязычия.

* * *

... Плышет над ночным аулом дивный напев Абая. Словно откуда-то с вышины спокойно и ровно льется голос певца.

*Подожди немного,
Отдохнешь и ты...*

Счастливой оказалась судьба у гетевского странника. Его ночную песню услышали и подхватили великие поэты Лермонтов и Абай, бережно, с любовью донесли каждый до своего народа. И теперь, через века и расстояния, плывет она над степью, над долинами и увалами гор, славя мир и тишину, обещая всем странникам на земле желанный покой.

1970—1986 гг.

Бельгер Герольд.
Б 44 Гете и Абай: Эссе.— Алма-Ата: Жалын, 1989—104с.

Известный казахстанский прозаик, критик и переводчик Герольд Бельгер многие годы увлеченно работает над темой «Гете и Абай». В творчестве двух национальных гениев немецкого и казахского народов исследователь находит много тем и мотивов их духовного созвучия, очевидной родственности муз, явную переключку в судьбе, в поисках и порывах.

Б $\frac{4702010200-146}{408(05)89}$ 181—88

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕТЕ И АБАЙ	5
СОЗВУЧИЕ «НОЧНАЯ ПЕСНЬ СТРАННИКА» ГЕТЕ В ПЕРЕВОДАХ ЛЕРМОНТОВА И АБАЯ .	81

Для старшего школьного возраста

ГЕРОЛЬД КАРЛОВИЧ БЕЛЬГЕР

ГЕТЕ И АБАЙ

Эссе

Редакторы Б. Стадничук, Ю. Тарасов. Художественный редактор С. Макаренко. Художник Х. Абаев. Технический редактор Р. Винокурова. Корректор С. Едилова

ИБ № 3759

Сдано в набор 10.06.88. Подписано в печать 19.10.88. Формат 60×70¹/₁₆. Бумага офсет. Гарнитура «тип таймс». Печать офсетная. Усл. п. л. 5,07. Уч. изд. л. 5,72. Усл. кр-отт 14,23. Тираж 24 000 экз. Заказ 908. Цена 65 коп.

Издательство «Жалын» Государственного Комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 400124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 480002, г. Алма-Ата, ул. Пастера, 41.